

Андрей РАСТОРГУЕВ

Страж Порядка

@ЭЛИТА

16+

Андрей Расторгуев

Страж Порядка

Электронное издательство "Аэлита"

2014

Расторгуев А.

Страж Порядка / А. Расторгуев — Электронное издательство
"Аэлита", 2014

Мог ли представить оперативник уголовного розыска Павел Манин, что вполне расхожая, привычная фраза «страж порядка» приобретёт для него несколько иной смысл, более близкий по содержанию, чем её привыкли трактовать. Обладая умением видеть Мрак, засевший в душах одержимых людей, в стремлении изгнать обитателя потустороннего мира из человека, он станет настоящим Стражем Порядка, защищая Границу между мирами Хаоса и Упорядоченного.

© Расторгуев А., 2014
© Электронное издательство
"Аэлита", 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	24
Глава 3	38
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Андрей Расторгуев

Страж Порядка

Давно низвергнутые из макробрамфатуры Вселенной, силы Восставшего ведут в мирах нашей Галактики безостановочную, неустанную, миллионы форм приобретающую борьбу против сил Света.

(Д. Андреев «Роза Мира»)

© ЭИ «@элита» 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

Он мчался с головокружительной скоростью, мгновенно перемещаясь из одного измерения в другое, не замечая резких переходов, когда приходилось пробивать зыбкие границы между мирами. Это так же отличалось от обычного бега, как сон отличается от яви. Он совсем не чувствовал тела. Представляя, что перебирает ногами, двигался вперёд, хотел бежать быстрее – и скорость увеличивалась. Обдавало то жаром, то холодом. Воздух то плотно укутывал, превращаясь в густой непролазый кисель, то резко разряжался, распахивая объятия. И тогда Павел летел, как выпущенное из пушки ядро. При этом дышалось свободно, словно прогуливался по парку, а не участвовал в головокружительной гонке.

Фантастические пейзажи мелькали, как в калейдоскопе, накладываясь друг на друга настолько быстро, что не давали возможность запомнить хотя бы одну пойманную взглядом картинку. А как менялись цвета! Не передать словами. Нигде в реальном мире не найти столь разнообразную гамму красок.

Однако ему не было дела до сказочной красоты незнакомых мест. Паша не выпускал из поля зрения спину улепётывающего со всех ног создания. Правда, то, что маячило перед глазами, назвать «спиной» можно лишь с большой натяжкой. Просто некий смазанный силуэт, постоянно меняющий очертания. Пару раз преследуемого удалось нагнать, но оба раза тот ускользал, пользуясь тем, что Павел не разобрался, как схватить и удержать прыткую субстанцию.

Врёшь, не уйдёшь! Он был полон решимости довести погоню до конца, и старался не отставать ни на шаг. Хотя какие шаги, если и самому непонятно, каким образом удаётся перемещаться.

Тень впереди метнулась влево. Последовав за ней, попытался повторить её манёвр, но заскользил вбок. Пока принаравливался, потерял скорость и отстал. Вот чёрт! Нет ничего хуже, чем ждать и догонять. Утешало то, что любое ожидание, в том числе и погоня, когда-нибудь да заканчивается, и чаще в пользу Павла.

А начиналось всё вполне обыденно, с простого телефонного звонка. Тот раздался в квартире, когда Павел наполовину расправился с обедом: съел суп на первое и готовился вкушать отбивную с варёной картошкой...

* * *

Звонил дежурный по РОВД.

– Алё, Манин! Хорошо, что ты дома, – начал он скороговоркой. – Тут у нас труп в твоём микрорайоне нарисовался. По «ноль два» позвонила какая-то женщина. Говорит, мужика её подрезали на квартире. До конца я не разобрался – она всё время рыдала, но адресок выпытал. Недалеко от тебя. Сходи, проверь, раз ты поблизости.

Манин поморщился. Сходить-то можно, но если там труп, да ещё криминальный, нужна опергруппа в полном составе. В одиночку он сможет разве место происшествия охранять.

– У меня группа в посёлок выехала на кражу, – продолжал тараторить дежурный, словно читая его мысли. – Сейчас поднимаю резервную. Пока не могу никого найти. Сам понимаешь, обед.

– Понимаю, – вздохнул Манин и бросил печальный взгляд на тарелку с остывающим пюре и отбивной, в которую он успел воткнуть вилку – и только.

– Водитель уже в гараж за машиной пошёл. В уголовном розыске пока нет никого, только до тебя и дозвонился. Когда выловлю кого-нибудь из ваших, сразу в помощь отправлю. Ты

посмотри, что к чему, и отзвонись. А то вдруг не криминал, так и одного участкового хватит, чтобы материал собрать.

– Хорошо. Говори адрес.

Павел прекрасно понимал дежурного: перед тем, как отправить резервную группу, тот хотел удостовериться, с каким происшествием имеет дело. Чего зря машину туда-сюда гонять, сжигая драгоценный бензин, который и так выдают на смену мизерными дозами. Ведь если убийство, надо включать в состав опергруппы следователя из прокуратуры и судмедэксперта. Они хоть и обязаны выезжать по каждому сообщению о смерти, в действительности проводят осмотры только в тех случаях, когда трупы, что называется, криминальные. Все прочие отнесены законом к ведению органов внутренних дел, пусть милиция сама с ними и разбирается, а не отвлекает по пустякам.

Это в кино славные прокурорские следователи бегают, очертя голову, по улицам в поисках преступников, грозно размахивая пистолетом, и палят во все стороны почём зря. А на деле попробуй, заставь кого-то из них оторвать зад от кабинетного кресла. Тут же на твою голову выльется бурный поток злобного негодования. Практически все следственные действия за пределами прокуратуры они давно взяли моду перекладывать на плечи уголовного розыска, отписываясь отдельными поручениями. Зачастую задним числом. Работа оперативников, как правило, опережает рождение каких-либо светлых идей в голове бедолаги-следователя. А если труп по чьему-то недосмотру оказался вдруг живым (не дорезали, к примеру) либо умер по собственной инициативе или неосторожности (такое бывает даже с теми, у кого нож в спине торчит), тут будь готов выслушать всё по полной программе: сначала от самого следователя, потом от прокурора. Да и родное милицейское начальство, стремящееся дружить с надзорным органом, по головке не погладит, обязательно назначит тебя крайним. Ещё и выговор впадет. Ладно, если не строгий.

А судмедэксперт в городе и вовсе один. Человек не от мира сего, уютно чувствующий себя только в морге, среди препарированных трупов. При этом аппетитно вкушает чай с печеньем в перерывах между равнодушным ковырянием в человеческих внутренностях. Отрывать его от любимого занятия себе дороже. Неизвестно, что этот «анатомопотам» запихнёт в твоё тело вместо извлечённых органов, когда придёт время, и сам окажешься у него под скальпелем.

Минут через пять Манин быстро, почти на ходу проглотив обед, шагал по микрорайону. Дом, где, по сообщению дежурного предположительно находился покойник, он знал, и хорошо себе представлял. Сильно вытянутое в длину одноэтажное деревянное строение. Никаких общих подъездов, шесть квартир, у каждой отдельный вход с улицы. Барак, одним словом, который давно бы снесли, если бы эта одноэтажка не была самой сохранившейся из всех в округе. Другие дома (даром, что кирпичные) ещё Сталинской постройки стояли с облупленными стенами, в которых зияли трещины. Через них в квартиры проникал холодный воздух.

Потому барак был более тёплым, и, само собой, более пригодным для проживания. Вот и не торопились ломать.

Люди там обитали разные. С некоторыми Паша был знаком – по работе, и так. В последней квартире, к примеру, хозяева гнали самогон и щедро снабжали пойлом соседей. А употреблять его здесь любили все без исключения.

Кто именно из жильцов погиб, Манин пока не знал, но нетрудно догадаться, что без злого посредника, алкоголя, дело не обошлось.

У дома перед входом в нужную квартиру стояли двое мужчин и какая-то женщина. Не она ли звонила в милицию? Вряд ли. У этой на лице нет и следа переживаний, что излила на дежурного звонившая. Только еле уловимая тревога. Мужчины тоже незнакомые, но его узнали. Наверно, такова участь всех сотрудников уголовного розыска в небольших городах, где их знает в лицо практически каждая собака, поэтому представляться смысла не было.

Встретили его прохладно:

– Только вас одного, что ли, прислали?

Лёгкая ирония в тоне говорившего не смутила Манина. Он пришёл работать, а не с обывателями пререкаться.

Выяснив, что перед ним соседи убитого, коротко спросил:

– Что произошло?

Язвительный мужичок кивнул на приоткрытую дверь квартиры.

– Игорька зарезали, – ответил в тон Манину. – Сами зайдите, гляньте. Мы уж насмотрелись.

«Скептик, – подумал про него Паша. – Из тех, кто считает, что милиция ни на что не годится и всегда опаздывает».

Он направился к дверям, заметив, что женщина и второй мужчина идут следом. Скептик остался снаружи. Что ж, эти двое, возможно, более покладисты. При болтливом соседе предпочитают помалкивать. Значит, поговорим в квартире. Заодно понятыми побудут, одной заботой меньше: не надо бегать по округе и убеждать несознательных граждан в том, что им необходимо исполнить гражданский долг, поучаствовать в осмотре места происшествия.

Из прихожей сразу попали в кухню. Оттуда следующая дверь вела в зал, налево через который располагалась и спальня. Оригинальная своей компактностью планировка. Вроде и две комнаты тебе, и кухня отдельная, а тесно, как в купе вагона. Мебели почти никакой, в комнатах пусто: шкаф, пара кроватей и всё. Даже телевизора нет. На кухонном столе следы попойки: пустые бутылки, два стакана, две тарелки с остатками закуски, две вилки. Выходит, пили вдвоём.

И один из двоих лежал сейчас на спине в дверном проёме, ведущем из кухни в зал. Голова и плечи на пороге, ноги в комнате. Потухшие глаза приоткрыты. Кожа мертвенно-бледная. Тут и пульс шупать не надо, сразу видно, что покойник.

Предплечья изрезаны. Несколько колотых ран на теле в области груди под окровавленными дырами на одежде. Рядом с трупом на полу валяется нож. Ещё один, охотничий, воткнут в косяк двери. На рукоятке и на лезвии запёкшаяся кровь. Резали двумя ножами? Убийц было двое или просто поножовщина между собутыльниками? Сначала один схватился за нож, потом второй, и понеслась...

Ни к чему не прикасаясь, Манин походил по залу, высматривая и осторожно переступая следы. Заглянул в спальню. Везде порядок. Только разбитое вдребезги стекло в межкомнатной двери, осколки которого рассыпаны на полу. Похоже, расправа была скоротечной и длилась не больше нескольких минут.

Он вернулся к труп, опять внимательно осмотрел лицо и руки. Ага, ему ещё и по физиономии врезали. Вон кровоподтёк на левой скуле. Сам тоже кулаками махал – кожа на костяшках сбита. Получается, поножовщине предшествовала драка, во время которой досталось и преступнику. Вывод: у злодея имеются следы побоев. Хорошо, одна примета есть.

– Это кто? – Манин кивнул на труп и упёрся взглядом в понятых, делая ставку в основном на женщину.

Не ошибся. Пожилая тётка оказалась на удивление словоохотливой. Начав говорить, выложила кучу сведений, полезных и не очень.

Покойника она знала довольно хорошо, хоть обитала не в этом доме, а в том, что напротив. Игорь был хозяином квартиры. Работал на расположенном поблизости предприятии, от которого сравнительно недавно здесь и поселился. Жил в согласии с окружающими: никого зря не обижал, с соседями не ссорился. С кем пил перед убийством, никто не видел, но, возможно, знает его подруга, которая часто сюда навещается... Вернее, навещалась. Что за подруга? Так Оленька же. Она тут, у соседей сидит, плачет. Оля-то и обнаружила труп, да в милицию позвонила.

«Почему бы сразу с этого не начать», – выругался про себя Манин и пошёл в названную квартиру.

Оля оказалась симпатичной молодой девушкой. Она сидела на полу соседской прихожки, судорожно всхлипывала и курила, не переставая, одну сигарету за другой. Рядом стояла набитая окурками пепельница. Очаровательную красоту девушки не могла скрыть ни размазанная по щекам тушь, ни растрёпанные волосы, неровными прядями спадающие на лицо. Видно, что следы туши она старалась вытереть, и непослушные волосы постоянно отводила назад, пыталась пригладить, нисколько не задумываясь над тем, что прихорашивается. Женщина в любой ситуации остаётся женщиной.

Молча усевшись рядом, Манин достал сигарету и тоже закурил. Сделав несколько затяжек, сочувственно глянул на Ольгу. Пальцы девушки мелко дрожали, во влажных, устремлённых куда-то в пустоту глазах застыло отчаяние. Паша вздохнул.

– Оля, я понимаю, что тебе тяжело. Но постарайся успокоиться и рассказать по порядку всё, что произошло в квартире Игоря. Это надо рассказать, понимаешь? Надо для дела... – «Что за чушь, какое дело! Уголовное? Дурак!» – ...Для Игоря. Сделай это для него. Слышишь?

Девушка всхлипнула, готовая разрыдаться с новой силой. Манин по-настоящему глубоко сочувствовал девочке. Её бы обнять, прижать к себе, дать выплакаться...

Какого чёрта! Нашёл время для сентиментальностей. Надо как можно быстрее получить от неё сведения. Вот что сейчас важно.

Он терпеливо ждал ответа, борясь с гадливым ощущением того, что выглядит холодным бесчувственным чурбаном, тревожа человека, неожиданно для самого себя потонувшего в омуте страдания и горя. Человека, которому совершенно наплевать сейчас на весь мир, и особенно на сидящего рядом опера с его бестолковыми, никому не нужными вопросами.

Ольга всё-таки нашла в себе силы. Тонкими пальчиками завела за ухо непослушную прядь, и с трудом, глотая слёзы, заговорила хрипло:

– Я... не знаю... Вчера вечером он проводил меня домой. Сегодня я должна была прийти к нему... днём. А с утра... – она закрыла лицо руками, худенькие плечи затряслись в беззвучном плаче.

Манин положил ладонь на её сгорбившуюся спину. Ольга жалобно завывала в голос.

– Что было утром, Оля? – настаивал на продолжении Павел, не давая ей окончательно сорваться в пропасть собственных терзаний.

Не поднимая головы, девушка произнесла срывающимся голосом, едва сдерживая новый приступ истерики:

– Мне позвонил Харин Олег... его друг. Они часто вместе... Он сказал: «Я завалил Игоря. Вызывай ментов. Я их постреляю и сам застрелюсь». Я бегом сюда, а в квартире... Игорь... – и она снова зарыдала.

Подождав, когда Ольга немного успокоится, Манин принялся расспрашивать о Харине. Вопреки надеждам, девушка мало что знала. Даже адрес назвать не смогла, хоть и была там один или два раза. Помнила визуально, что у Олега собственный дом в районе с многообещающим названием «Перспективный», который когда-то и в самом деле был таким.

Частный сектор собирались застроить новыми многоэтажками, даже начали активно превращать идею в жизнь, соорудив на одной из расчищенных площадок две коробки современного шлакоблочного зодчества. Те так и остались недостроенными, поскольку денег на доведение проекта до ума не хватило. Но расселение жителей Перспективного шло полным ходом. А тут ещё спад производства нагрянул, оставив многие семьи без работы. Вот люди и разъехались, кто куда. Теперь в микрорайоне пустовал каждый второй дом. Оставшиеся обитатели, не в силах найти достойное применение своим способностям, заливали горе невостребованности алкоголем. А постройки без должного ухода ветшали и разрушались. Впору переименовать этот район в Бесперспективный. Тогда хоть название будет соответствовать.

Не был исключением и Харин, регулярно закладывающий за воротник. Весёлый парень, любитель шумных компаний, он часто заглядывал в гости к Игорю и сидел с ним допоздна за бутылкой-другой водки, травил анекдоты и неплохо пел под гитару. Ничего дурного сказать о нём Ольга не могла. Не помнит, чтобы Олег при ней хоть раз нецензурно выругался или позволил какую-нибудь непристойность. Такого, по её мнению, быть не могло. Потому она не поверила его страшным словам, и не верила до самого последнего момента, до тех пор, пока не вбежала в квартиру и не увидела мёртвое тело Игоря.

Манин тоже не помнил Харина, а уж местных-то дебоширов, склонных к разного рода нарушениям, он поневоле знал наперечёт. Но в тихом омуте, как говорится, не такие черти водятся. Стоит сунуть туда палку и немного помутить воду, они тут же повсплывают на поверхность. Похоже, избыток алкоголя и его чрезмерное употребление создали в мозгах Олега эффект такой палки, окончательно стерев барьеры между добром и злом. Какая собака пробежала между двумя старинными приятелями, заставив позабыть о дружбе и сойтись в смертельной схватке на ножах, знал теперь лишь один из них. Мысленно Манин поздравил себя и весь РОВД с тем, что они, возможно, заполучили на свою голову свихнувшегося убийцуманьяка. И как прикажете докладывать об этом начальству?

Отыскав у соседей телефон, по которому Ольга звонила в милицию, Павел решил, что пора поделиться собранной информацией с дежурным, не давшим ему спокойно пообедать. Пусть тоже помучается головной болью, думая в каком виде подать всё это наверх.

– Кузьмич, это Манин, – сообщил он телефонной трубке, терпеливо дослушав до конца длинное представление дежурного.

– Фу ты, чёрт. А чего молчишь? Говори, что там у тебя?

– А что у тебя? Ты группу собрал?

– С обеда уже вернулись. Пока по кабинетам сидят, ждут. Не томи, рассказывай. Криминал или нет?

– Стопудовый криминал. Придётся ещё и прокурорских поднимать.

Вкратце Манин изложил суть дела, стараясь игнорировать восклицания на том конце провода, хоть и состоящие всего из двух словосочетаний «вот блин» и «ёлы-палы», зато повторяющиеся слишком часто и в разной последовательности.

– Ты группу-то дожидись, – по-отечески посоветовал дежурный, когда Павел закончил «сливать» информацию. – Опроси пока подружку покойника, свидетелей найди...

– Не надо меня лечить, Кузьмич, – нетерпеливо перебил Манин. – Здесь делов на копейку, и участковый справится. А объяснения брать ни к чему. Прокуратура всё равно дело возбудит, вот и пускай сразу всё под протокол пишут. Я лучше за Хариным пригляжу. Запроси в паспортном его адрес, а заодно пробей по владельцам оружия. Если он собирается отстреливаться, то хотелось бы знать, из чего.

Спустя полчаса Паша направлялся в сторону Перспективного, зная место жительства подозреваемого, а также то, что у того в сейфе хранится охотничья двустволка и нарезной карабин с неизвестным количеством патронов. Как бы не пришлось облачаться в «броники» и устраивать маленькую войну со штурмом дома.

Табельный ПМ у Манина всегда при себе, оформленный на постоянное ношение, но оставалась надежда, что до стрельбы дело не дойдёт. Возможно, получится уговорить преступника сдаться. В нём сейчас ещё гуляет хмельной угар, смешанный с потрясением от содеянного, иначе не говорил бы о самоубийстве. А может, дело в другом? И всё совсем не так, как может показаться на первый взгляд, а гораздо сложнее?

Для того Павел туда и пошёл, желая во всём разобраться лично...

К дому подкрадывался осторожно, чтобы не заметили из окон. Сделать это было непросто. Вокруг жилья новоявленного «мокрушника» раскинулся пустырь, на котором не только

растительности нормальной нет, но и более-менее пригодных для маскировки складок местности. Прикрыться удалось невысоким, с широкими просветами забором и расположенными за ним остатками сарая, наполовину разобранного на дрова.

Взобравшись на крыльцо, Павел прижался к перилам и постучал стволом пистолета в доски входной двери, давно не выдавшие свежей краски.

– Олег! Ты дома?!

– Кто там? – послышался невнятный мужской голос.

Судя по заплетающемуся языку, Харин продолжал употреблять горячительные напитки. Плохо. Человека в таком состоянии тяжело в чём-либо убедить.

– Слушай, у тебя выпить есть? – игнорируя вопрос хозяина, прокричал Павел.

– Есть, да не про вашу честь! – нагло заявил собеседник. – Убирайся к чертям собачьим!

Похоже, ни в собутыльнике, ни в чьих-то свободных ушах он не нуждался.

– Да ладно тебе, Олег. Плесни сто грамм, а то трубы горят! – Манин придал голосу болезненные интонации.

– Пшёл вон, говорю!

Грохнул выстрел, пуля пробила дыру в верхней части двери, отколов несколько щепок. Стреляет из карабина, но метит над головой, чтобы припугнуть, если, конечно, спьяну не околел. Вообще-то он собирался стрелять ментов, а не всех подряд. Не хочет ещё одну невинную душу загубить? Если так, то пока не совсем потерян для общества.

– Харин! Это Манин из уголовного розыска. Знаешь меня? Давай поговорим.

Ещё один выстрел, в этот раз на уровне груди. Стой сейчас Павел прямо перед дверью, пуля вошла бы точно в сердце. Он покачал головой. Преступник держал обещание насчёт ментов и не был расположен к беседе.

Дежурный грозился прислать группу захвата, но чем закончится штурм? Сколько выстрелов успеет сделать убийца и сколько из них попадёт в цель до того, пока сам не рухнет, сражённый ответными пулями? Ничего славного в такой смерти Манин не видел.

Дом окружала гнетущая атмосфера человеческого страха и безысходности, смешанная с демонической вакханалией. И с этим надо было во что бы то ни стало разобраться. Причём немедленно, до приезда группы.

Дёрнув дверь, Павел убедился, что она заперта (кто бы сомневался), тихо сошёл с крыльца; пригнув голову, подобрался к открытому окну и замер под ним, прислушиваясь. Изнутри доносился топот и звон пинаемых по полу пустых бутылок. Харин метался из комнаты в комнату, выкрикивая в пространство:

– Идите, суки, менты позорные!.. Ща я вас встречу!.. Ща я вам налью!..

Его пьяный голос то приближался, то уплывал в другую часть дома, чтобы через минуту снова раздаться над головой засевшего под окном Павла.

– Ну, вы где?! – это уже от входной двери.

Быстро перемахнув через подоконник, Манин оказался в доме. Тихо приземлиться не получилось. Грохнув подошвами по голым доскам пола, бросился к выходу из пустой комнаты. Нетвёрдые торопливые шаги за стеной отмечали путь пьяного Харина. Шатающейся походкой он ввалился в проём, держа карабин у пояса стволом вниз, и наткнулся ословелым взглядом на пистолет, направленный ему в лоб. В какой бы сильной степени опьянения не пребывал преступник, опасность получить пулю промеж глаз оценил трезво и остановился, замерев.

– Бросай оружие! – потребовал Паша.

В ответ Харин лишь оскалил зубы в неживой полуулыбке и начал поднимать ствол. Но Павел смотрел вовсе не на карабин и даже не на человека, в чьих руках тот сейчас находился, а на нечто особенное, инородное, впившееся в преступника и тянущееся за ним. С появлением Олега он заметил клубящуюся вокруг него темноту, словно спина, плечи и особенно голова

у того чадили густой копотью, будто в ауру Харина добавили изрядную долю несмываемых чернил.

Да, он мог видеть ауру, особенно такую тёмную, и кое-что ещё, намного более странное и... страшное. Чернота уходила назад, за её носителя, вытягиваясь хвостом, и закручивалась, образуя воронку. Этого Павел и боялся: Олегом управляла чужая сила, которую Манин называл Мраком, сознательно игнорируя более распространённые и, возможно, более точные термины – «демонизм» или «одержимость». Как убеждённый атеист, он охарактеризовал этим словом реально виденную им и понятную физическую величину. Хотя и понимал, что такие твари живут в совершенно ином, скрытом от взора людей мире, но время от времени прорываются сюда, где не могут существовать вне человека, овладевая его телом и сознанием.

Бывает, они навсегда остаются паразитировать в носителе, управляя его поведением. А иной раз набедокурят и уйдут обратно в свой неведомый мир, не стеснённый никакими правилами, оставив человека размышлять над странными поступками, о которых тот раньше никогда и думать не посмел, не то что позволить себе их совершить. Причём люди прекрасно всё помнят, и считают действия Мрака не чем иным, как проявлением собственной воли и своих скрытых желаний.

Нередко носители становятся клиентами психушек, а уж по тюрьмам да колониям только такие обычно и сидят. С лёгкой руки Павла его коллеги по уголовному розыску стали называть закоренелых преступников, не поддающихся исправлению, «мрачными типами». Сам же Паша подводил под это понятие тех людей, внутри которых Мрак прописался надолго, практически не оставляя человеческое тело ни на минуту.

* * *

Он давно перестал ломать голову над тем, откуда у него столь необычайные способности, и за какие заслуги или прегрешения они достались ему. Просто принял это как данность. Зато легко распознавал уголовников, действительных и потенциальных, едва на них взглянув, что в итоге и подвигло Манина пойти служить в милицию.

Преисполненный решимости покончить с преступным элементом, абсолютно уверенный в своих силах, он взялся за работу с особым рвением, не свойственным большинству служаков этой категории. Хватал всех одержимых подряд, не взирая на то, успели они совершить какие-либо подлости или только собираются.

Коллеги часто подтрунивали над ним и теми курьёзными ситуациями, в которые попадал не в меру ретивый молодой опер. Однако вскоре Манин стал притчей во языцех, и легендой уголовного розыска, побив все рекорды раскрываемости, за что получил почётное прозвище Клещ. Ведь если он вцепился в кого-то, будьте уверены, тот человек обязательно скоро попадётся, и надолго уедет «отдыхать» в места не столь отдалённые.

Старания Манина начали давать результат во многом благодаря участию Сергея Ивановича, начальника криминальной милиции. Именно он помог Павлу развить и, главное, правильно использовать свой дар. Однажды начальник заглянул в кабинет, где неопытный лейтенант безуспешно пытался добиться признания в совершении преступления от очередного одержимого. Паша приволок того в отдел, просто заметив черноту в ауре. Едва взглянув на «подозреваемого», Сергей Иванович, тогдашний начальник уголовного розыска, сказал Манину:

– Отправь этого маньяка в обезьянник, а сам зайди ко мне, – и вышел, ничего больше не объясняя.

Надо было видеть реакцию «маньяка» на появление начальника. Нахальный взгляд резко изменился, стал затравленным. От дерзкого развязного поведения, вызванного тем, что Манин ничего конкретного предъявить не мог, не осталось и следа. Парень молча спустился в дежур-

ную часть и безропотно дал посадить себя в клетку. А озадаченный Павел пошёл к начальнику в предвкушении очередной выволочки.

– Зачем ты его притащил? – спокойно поинтересовался Иваныч, подтверждая опасения Паши.

– Рожа не понравилась, – буркнул Манин.

Какую ещё причину он мог назвать? Не говорить же о Мраке и чёрной ауре. Чего доброго, попрут из милиции, как умалишённого.

– Знаешь, что мне нравится в твоей работе? – задал вопрос начальник и ответил сам: – Ты никогда не ошибаешься... – и вдруг спросил прямо в лоб: – Видишь в людях нечто особенное?

Удивлению Павла не было предела. Он с опаской покосился на Иваныча. Проверяет, или решил подколоть? Лицо у того было самое серьёзное. А может, у него такой же дар?

Неуверенно Манин кивнул.

– А в чём твоя ошибка, догадываешься?

На этот раз пришлось отрицательно мотнуть головой.

– В том, что многие из них не успели ничего совершить. Возможно, скоро совершат, а возможно, и не совершат вовсе. Ведь мы не можем привлекать людей к ответственности за то, чего не было. Согласен?

Снова кивок.

– Но никто не запрещает заниматься профилактикой преступлений, – продолжал наставления начальник. – Закон даже обязывает нас этому. Но делать её надо с умом, а не как ты, пашкой махать направо и налево. Возьми человека на заметку, установи связи, где-то проследи, где-то подслушай, узнай, чем дышит и чем занимается, подбери источники из его окружения, на то ты и опер. А дальше тебе станет известно, если он что-то совершит или замыслит. Вот тут и выходи из тени да хватай злодея, он полностью твой, поскольку ты знаешь о нём всё.

Нет, Сергей Иванович не мог видеть ауру преступников, но компенсировал это богатейшим опытом оперативной работы, чем и хотел поделиться с Маниным. Нюх у него был, что надо.

Задержанного «маньяка» пришлось отпустить, но чуть позже, расследуя одно дерзкое разбойное нападение, Павел вышел на его след, и задержал, безошибочно вычислив в нём того налётчика, что набросился с ножом на незащищенную женщину. Она же потом и опознала бандита...

За сравнительно короткий срок Манин заработал такой авторитет в отделе, что бывалые опера не считали зазорным советоваться с ним. А на летучках, где обсуждались нераскрытые преступления, иной раз, едва уяснив фабулу, он выдавал единственно правильную версию, отработывая которую, удавалось распутать самые сложные и, казалось бы, бесперспективные дела.

Однажды один из оперов, после возвращения из больницы, где опрашивал потерпевшего, пожаловался:

– Представляешь, терпила на улице попросил у совершенно незнакомого мужика прикурить, поблагодарил по-человечески, а тот ему ни с того ни с сего по морде саданул, и ушёл, не попрощавшись. В результате у нас в активе сломанная челюсть, а в пассиве – нераскрытое преступление против личности. Минимум средней тяжести вред здоровью. Ни свидетелей, ни следов, ни зацепок каких-никаких нет. Короче, очередной глухарь висит...

– А как поблагодарил? – прервал Манин излияния коллеги.

– Чего? – не сразу понял тот, поскольку не собирался брать консультацию, а просто хотел высказаться. – Да обыкновенно, как все, «спасибо» сказал.

– Не вижу никаких проблем в раскрытии этого дела. Твой злодей судим неоднократно или на длительный срок за похожие преступления. Освободился недавно. Подними картотеку осуждённых по хулиганке или мордобойю, выясни, кто на днях вышел на свободу. Думаю, набе-

рётся от силы пять-шесть человек. Покажешь фотки потерпевшему, он и укажет на жулика. Дальше дело техники найти его в городе и задержать.

– С чего ты взял?

– А с чего бы доброму дяде, давшему прикурить прохожему, бить того по морде? Простой хулиган ударил бы сразу. Он же разозлился, когда мужик сказал «спасибо». Этим словом в колонии благодарят опущенного после совершения с ним сам знаешь чего. Следовательно, наш фигурант долго сидел в ИТК, откуда не так давно освободился, поскольку не обтёрся на воле и не избавился от эковских замашек. А его реакция говорит о том, что он беспредельщик, баклан с приличным тюремным стажем. Вот и всё. Соображать надо.

Уже через три дня преступник был задержан, а опер, которому Манин дал дельный совет, презентовал Паше бутылку коньяка.

* * *

Нечеловеческая улыбка Харина никак не вязалась с выражением глаз, в которых застыл животный ужас. Карабин вот-вот закончит движение вверх, остановится и непременно выстрелит. Надо решаться. Однако Манин медлил. Казалось бы, перед тобой преступник с оружием, который не оставляет иного выбора, кроме как открыть огонь на поражение, поскольку если не ты его, то он тебя, но...

Им же управляют, словно марионеткой. Что толку, если сломаешь куклу, разозлившись на роль, которую она играет. Кукловоду-то ничего не сделается, а ведь это он дёргает за ниточки, заставляя марионетку вести себя именно так. И говорит она его голосом. Да вот незадача: не показывается на глаза кукловод, прячется за ширмой, откуда простой пулей его не выколупаешь.

За долю секунды до того, как полностью увидеть дульный срез карабина, Павел метнулся к Харину, выбрав целью не ополоумевшего Олега, а тёмное облако вокруг его тела. Именно в нём оперативнику виделся опасный и коварный враг, которого требовалось обезвредить. Он совершенно не представлял, как это сделать. Никакого конкретного плана в голове. Просто поддался внутреннему порыву, решив, что главное вступить в схватку, а там по ходу дела разбираться дальше, посчитав, что так будет правильно...

И в очередной раз угадал.

Прыжок получился лёгким и уж слишком стремительным. Черты Олега смазались, быстро приближаясь. Манин сгруппировался, готовый к жёсткому контакту, но неожиданно для себя не встретил сопротивления человеческого тела. Изумлённый он прошёл сквозь него, как через пелену тумана, и... столкнулся с Мраком.

Так ныряльщик погружается в воду, ударяясь грудью о дно. Но этот удар оказался гораздо сильнее, поскольку Мрак – не мёртвая речная галька с песком, пассивно принимающая пловца, а существо, способное к противодействию. Достоверно не зная, что ожидать от столь опасного для человека создания, Павел приготовился к любому подвоху, предвидя тяжёлую борьбу. Но вдруг почувствовал, что Мрак прогибается, отступая, словно испугался его решимости, пытаясь уйти, спрятаться в крутящейся за спиной воронке, через которую пришёл в этот мир.

– Страж! – показалось, или действительно послышался вопль убегающего Мрака?

«Нет, приятель, так просто ты от меня не отделаешься. Пора отвечать за свои грязные делишки», – и Паша, не раздумывая, бросился следом за ключьями чёрного марева, исчезающего в круговороте.

Не успел удивиться необыкновенной проворности, благодаря которой в одно мгновение оказался рядом со смерчем, как тут же был в него втянут. И вот теперь проносился через... Через что? Иные миры или измерения, где обитает Мрак?

Всё равно, лишь бы достать его и прижучить.

* * *

Впереди замелькал хвост преследуемого врага. Вот он! Можно дотянуться и схватить рукой.

В следующее мгновение Павел сжимал в кулаке склизкий чёрный отросток. Умопомрачительная гонка остановилась, окружающий мир перестал меняться, превратился в статичную картинку. И только толстое лоснящееся тело змеи, которую крепко держал Манин, металось во все стороны, раскидывая сухой песок.

«Надо же, здесь обыкновенный песчаный грунт»... – автоматически отметил Павел, прикладывая все силы, чтобы удержать змею.

Та отчаянно билась в конвульсиях, пытаясь уползти, выписывая широкие зигзаги, сворачиваясь в кольца и резко выбрасывая тело, как освобождённая пружина. Одна такая попытка едва не удалась, когда змея смогла-таки вырваться из цепкой хватки оперативника, но далеко уйти он ей не дал: короткое замешательство обошлось Мраку вторичной поимкой. На этот раз Манин успел обмотать хвост вокруг предплечья и держал гораздо надёжнее, не оставляя твари никаких шансов на освобождение. И, главное, он понял, как управлять собой в этом потустороннем мире. Надо попросту представить желаемое действие, и тогда оно произойдёт. Захотел схватить змею рукой – схватил, захотел держать её двумя руками – пожалуйста, держишь. Пожелай он добавить себе третью руку, появилась бы, наверное, и третья. Но необходимости пока не было, и так справлялся, только мешала бы.

Змеинная голова неожиданно повернулась к Павлу. Приблизилась почти вплотную, дыша ужасным перегаром, от которого брови затрещали, и запахло палёным. Из пасти раздалось шипение:

– Чего ты добиваешь-шься, Страш-ш?! Хочешь-шь сразиться?

– Хочу! – не задумываясь, коротко, на одном дыхании выкрикнул Павел, опасаясь, что на более длинный ответ может не хватить воздуха.

Рептилия издала демонический хохот, сотрясший всё мироздание, если можно так назвать клочок суши, на котором они боролись. По песку пошла рябь. И без того невысокие барханы осыпались, став ещё меньше.

– Не имеешь-шь права! – с заметной весёлостью заявил осмелевший Мрак.

– Это почему? – Павел насторожился. Не хватало, чтобы всякие демоны ссылались на неприкосновенность личности или презумпцию невиновности.

– Ты не объявляешь-шь Поединка, а значит не собираешься со мной драться. Так что отпус-с-кай!

В голове Манина словно щёлкнуло, запуская нужную программу. В памяти всплыли... воспоминания? Нет. Знания. Он теперь знал: чтобы не бегать за демоном, с ним надо сойтись в единоборстве. Для этого существует формула вызова. Очень простая формула, без заклинаний и мудрёных фраз. Одно слово «Поединок» заставит Мрак остановиться и вступить в схватку со Стражем. А он, Павел, и есть тот самый Страж, выпроваживающий демонов из своего мира. Значит, имеет право бросить вызов, проигнорировать который демон не в силах.

Быстро перебрав неожиданно пришедшие новые знания, Манин подумал, что Мрак оказался весьма любезен, объясняя неразумному Стражу допущенную им оплошность.

Паша не замедлил воспользоваться подсказкой:

– Тогда я объявляю Поединок! Здесь и сейчас!

За коротким ошеломлённым молчанием последовал громкий разочарованный вой змея, когда Мрак понял, что подставил себя сам. Ведь мог же догадаться про неопытность Стража и не умничать, хвастаясь перед ним знаниями местного этикета. Тогда и Поединка могло не быть. А теперь хочешь, не хочешь, а дерись.

Прервав душераздирающий вой, рептилия перешла к действиям, начав стремительно расти. За считанные секунды достигнув гигантских размеров, она стала похожа на дракона, изогнула шею и метнулась к человеку, щёлкнув мощными челюстями в том месте, где он только что стоял. Паша и сам не понял, как успел переместиться в сторону, выпустив из рук хвост, ставший настолько толстым, что не помещался в ладонях. И чёрт с ним. По логике вещей необходимость в удержании Мрака отпала после объявления Поединка. Теперь он никуда не денется. Эх, как бы ещё управиться-то с ним? Преимущество в силе явно на стороне змея. Если только витязем стать и снести голову мечом...

Боковым зрением Манин заметил движение слева. К нему на огромной скорости летел конец драконьего хвоста. Отскакивать поздно. Всё, что успел, это присесть и закрыться левой рукой. Страшный удар с металлическим звоном сотряс тело. В глазах на миг стало темно. Павел пошатнулся, но на ногах устоял. А когда выпрямился, увидел, что на его левую руку надет круглый металлический щит. Мало того, в правой руке он сжимает огромный меч. Озадаченный Манин оглядел себя, с удивлением заметив, что с головы до ног облачён в старинные блестящие доспехи.

Мрак в облике гигантского змея извивался невдалеке, судорожно хлопая хвостом по песку и трясясь от боли. Ага, получил, гадёныш! Ну, теперь мы с тобой по-другому поговорим! Павел уверенно пошёл на дракона, прикрываясь щитом и подняв меч.

«Сейчас я тебе башку-то снесу по старинке, и вся недолга».

Заметив приближение латника, Мрак перестал бесноваться, застыл на миг, и вдруг свернулся кольцами, пряча в них голову. Змеиное тело начало проваливаться внутрь колец, истончая их толщину, пока совсем не растворилось в образовавшемся чёрном вихре, смешанном с поднятыми в воздух песчинками. Когда взвесь из тёмного облака и песка осела, на месте змея оказался человек в длинном плаще и ковбойской шляпе. Он спокойно стоял с опущенными вдоль тела руками. Нижнюю часть лица не видно, её от переносицы до шеи скрывал повязанный платок, но в глазах клубилась чёрная бездна. Что и говорить, умеет Мрак до неузнаваемости менять обличья.

Ковбой раздвинул и отвёл назад полы плаща, выставляя напоказ два револьвера по бокам. Подрагивающие пальцами ладони замерли возле рукояток, готовые в любую секунду выхватить оружие из кобуры и выстрелить.

Быстро осмотревшись, Манин обнаружил на себе высокие сапоги со шпорами, костюм-тройку со звездой шерифа на лацкане пиджака, рубаху с платком на шее и широкополую шляпу. Новый прикид завершился поясом, который справа оттягивал единственный висящий в кобуре «Кольт».

Так, значит, предстоит дуэль в стиле американского Дикого Запада. Два пистолета против одного. Не вполне честно со стороны врага. Хотя о какой честности можно говорить, когда речь идёт о Мраке?

Минуточку! А как он это сделал? Ладно, себя преобразил. Но ведь и Павла смог изменить, превратив из рыцаря в ковбоя. В голову полилась новая порция знаний. Вон оно как! Можно, значит, влиять не только на свой внешний вид и вооружение, но и на чужой. Это вполне естественно, поскольку Поединок должен подразумевать равные возможности двух противоборствующих сторон.

«Ах ты, гнида позорная! Себе, значит, два пистолета, а мне только один?.. И тот без патронов. Ну, погоди!»

Манин был не просто зол, а взбешён. Сильно не нравилось оперу, когда его пытались дурить. Ответная реакция в подобных случаях была вполне адекватной, и никогда не заставляла себя ждать.

Он сосредоточился, пытаясь внести изменения в окружающий мир, чувствуя, как податливая, словно пластилин, структура принимает именно ту форму, которую Павел и стремился

ей придать. Песчаный грунт под ногами Мрака потемнел, превратился в грязную жижу, расплазаясь всё шире. Начав погружаться в неё, сапоги ковбоя выпустили несколько пузырей, с натугой лопнувших на поверхности. Сообразив, что тонет, Мрак выхватил оба пистолета и направил на Манина. Но было поздно. Ему бы заняться спасением интерьера и принятого образа. Нет же, решил довести начатую игру до логического завершения, покончив с надоедливым Стражем. Просчитался, как и предполагал Паша.

Не успев произвести ни единого выстрела, ковбой быстро исчез в грязной луже, нелепо взмахнув руками. Теперь можно поработать над его внешним видом, поскольку нет уверенности, что Мрак утонул окончательно.

И в самом деле, над пузырящейся поверхностью вскоре показалась чёрная голова. На берег выкарабкался перепачканный жидкой грязью человек. Он был по пояс голый. Из одежды лишь кожаные штаны с бахромой и мягкие индейские мокасины, если не считать обвислых и слипшихся перьев, когда-то украшавших голову. Из оружия один короткий нож в правой руке.

Манин, стоя на берегу, терпеливо дождался, пока Мрак выползет на сухое место, и лишь после этого взвёл курок своего револьвера. Услышав характерный щелчок практически над ухом, индеец поднял глаза, такие же тёмные, как стекающая с тела грязь. Посмотрел на ствол, направленный ему в голову, потом на свой нож. Поняв, что шансов нет, застонал:

– Это несправедливо!

– Кто бы говорил о справедливости, – усмехнулся Паша. – Ты забыл зарядить мой пистолет. Пришлось это исправить. Теперь настало время платить по счетам.

– Хорошо, начальник, твоя взяла, – не вставая, индеец бросил нож к ногам Павла. – Ты... ПОБЕДИЛ!

Последнее сказанное слово породило небывалое эхо, прилетевшее сразу со всех сторон. Песчаная опора под ногами завибрировала, в очередной раз подравнивая барханы. Созданная Маниным лужа затянулась, не оставив влажного пятна, а под стоявшим на корточках Мраком появилась рябь, концентрическими кругами разбегающаяся в стороны. Вдруг площадка под ним осыпалась, превращаясь в зыбучий песок, затягивая в себя грязное тело индейца, черты которого исказились, вытянулись книзу, безжалостно ломая правильные формы человеческой фигуры. Мрак принял первоначальный облик, став чёрным туманом, втянулся, закручиваясь, в утекающий песок, и полностью растворился в нём.

* * *

«Опять ушёл!» – отступивший Павел в отчаянии бросился к затягивающемуся песком провалу, готовый последовать за Мраком куда угодно, но наткнулся на неожиданное препятствие. Там, где только что исчез его враг, показалась каменная глыба. Вращаясь вокруг своей оси, она медленно поднялась до уровня человеческого роста, какое-то время покрутилась, точно волчок, и вдруг застыла, повернув к Паше единственную плоскую грань с высеченным на ней изображением лица.

Лицо выглядело гротескно: без носа и бровей, только рот с квадратными толстыми губами и пара глаз, один гораздо больше другого.

– Тебе сюда нельзя! – проскрежетал булыжник, шевеля квадратами губ.

Мёртвые каменные глаза следили за каждым движением, и с какой бы стороны Паша не пытался обойти глыбу, плоское лицо неизменно было повернуто к нему. Взвесив в руке «Кольт», он оценивающе уставился на камень. Нет, этот даже не почешется от пули. Тут надо что-нибудь внушительнее, вроде танка или «Стингера»... Но, как ни напрягал Манин воображение, внести какие-либо изменения в окружающее пространство больше не мог. Так и стоял перед камнем, сжимая в ладони рукоятку бесполезного револьвера.

Что случилось? Иссякла магическая сила? Вроде нет. Павел чувствовал, что энергии в нём предостаточно. Или воздействовать на мир можно только во время Поединка? Тогда надо его объявить этому истукану.

– Ты кто такой, и по какому праву встаёшь у меня на пути? – начал задираться Манин, чтобы иметь хоть какой-то повод для ссоры.

– Я Страж...

Вот это номер. Конкуренция?

– Это я Страж!

– Ты Страж Упорядоченного, а я Страж Хаоса.

– Выходит, ты защищаешь Мрак, который я преследую?

– Я здесь для того, чтобы не пускать в мир Хаоса никого из Упорядоченного.

– А я пытаюсь наказать того, кто побывал в Упорядоченном и навёл там полный хаос. Пусть получит по заслугам.

– Он уже наказан. Ты победил его в Поединке и навсегда изгнал из своего мира. Ему теперь никогда не выбраться из Хаоса.

Манин рассмеялся. Ну и ну, такого либерализма не найти ни в одном демократическом государстве, рьяно пекущемся о правах человека. Чтобы за умышленное убийство наказывали всего лишь домашним арестом... Это уж слишком! Вот тебе и Хаос.

– Мне этого мало!

– Большого ты не добьёшься.

– Тогда Поединок!

– Стражи не бьются между собой, – камень, казалось, тяжело вздохнул. – Да не переживай. Для твоего недавнего соперника нет наказания хуже, чем это. Существа из Хаоса не живут долго, если не могут хотя бы изредка проникать в Упорядоченное. Лучшего ты и сделать не мог. А твоё появление в Хаосе внесёт столько же сумятицы и бардака по меркам того мира, сколько происходит сбоев в обычной жизни Упорядоченного при проникновении туда минимум десяти созданий Хаоса. Соображаешь?

– Начинаю соображать, – примирительно бросил Манин, представив, что могут натворить в его мире десять таких Мраков, как этот. Решительный настрой на продолжение преследования начал потихоньку отпускать. Что ж, он освободил из-под власти демона хотя бы одного человека, оставив носителя один на один со своей совестью. Теперь можно и домой... – Подожди, а мы сейчас где?

Обожгла мысль, что он мог заблудиться в хитросплетении миров, которые пересекал во время сумасшедшей погони за Мраком, а теперь не найдёт обратной дороги и будет вечным скитальцем по запределью. К тому же сам способ, каким попал сюда Манин, остался для него загадкой. В момент, когда покидал свой мир, он не задумывался над этим, упустив из виду характер перемещения. А если дыру в пространстве пробил Мрак, а Паша всего-навсего воспользовался ею, просочившись следом, будучи сам не в состоянии проделывать такие проходы? Как же он вернётся?

– Это Зыбь, – монотонно прогудел каменный Страж, – граница между Хаосом и Упорядоченным. Нейтральная зона, где и хаос, и порядок уравновешены. Территория, подвластная Стражам, то есть нам с тобой.

– Хм. Странно. Почему-то я об этом ничего не знаю.

– Я тоже ничего не знал о тебе, пока не увидел. Сколько себя помню, со стороны Упорядоченного никогда не было Стража. Ты первый. До этого только лазутчики попадались.

Каменная глыба несколько раз дёрнулась, издав звуки, отдалённо напоминающие смех. А истукан-то с чувством юмора. Шутить изволит. Оно и понятно: тут в одиночку со скуки помрёшь, если не острить.

– С тобой всё ясно. А мне-то что делать? Как я отсюда домой попаду?

– Разве твой путь в Упорядоченном ещё не закончен? – высеченные в камне глаза удивлённо распахнулись, заняв добрую половину лица, делая асимметрию ещё заметнее. Страж Хаоса продолжал демонстрировать гамму доступных эмоций.

– Нет, знаешь ли, у меня полно дел, и сюда я заглянул на минутку, чтобы наказать одного зарвавшегося типа из твоего мира. Мавр сделал своё дело, Мавр может уходить. Как видишь, я вполне живой и здоровый, – для убедительности Павел помахал конечностями: руки-ноги, мол, целы, чего ещё-то надо.

Это, кажется, позабавило истукана, поскольку он снова рассмеялся.

– Здесь только твоя энергетическая сущность, Страж Порядка, – весело прогрохотал его голос. – Она может принять любую форму, какую пожелаешь, – в подтверждение слов каменная глыба резко сжалась, превращаясь в пятиконечную звезду, которая плавно перетекла в человеческую фигуру. Теперь перед Пашей стоял самый обыкновенный гомо сапиенс, единственным отличием которого были глаза разной величины. – Свою физическую оболочку ты оставил дома. Если хочешь в неё вернуться, пожелай это – и окажешься в том месте и в то время, где и когда её покинул.

И всего-то? Получается, он вышел из тела, чтобы иметь возможность на энергетическом уровне контактировать с Мраком, и сейчас оно, лишённое сознания и беспомощное, находится перед сумасшедшим Хариным. Тогда понятна причина, по которой удалось проникнуть в преступника и вышибить из него демона-убийцу. В таком случае не стоит тянуть с возвращением.

Манин немедленно вызвал из памяти последние моменты пребывания в теле, пробуждая желание вернуться. Это было несложно. Почти сразу он почувствовал, как мир уплывает из-под ног и размазывается по бесконечности.

– Пстой! – громкий испуганный скрежет вернул его на висящий в пустоте песчаный остров с каменным человеком в центре.

Никак Страж Хаоса забыл поведать о чём-то важном. Павел белой полупрозрачной дымкой опустился перед его лицом, нетерпеливо спросил:

– Ну, чего тебе?

– Я хотел... – окаменевшие скулы сомкнулись, словно не решаясь произнести то, о чём думал Страж. Но ему удалось справиться с ними, разжать, хотя и с заметным усилием. – Давай поболтаем немного, а то я не припомню, когда с кем-то разговаривал по душам.

– С ума сошёл? Я не собираюсь бросать на произвол судьбы своё брэнное тело, которому, между прочим, сейчас угрожает опасность.

– В Зыби не одно, как у вас, а несколько измерений времени. Здесь можно провести срок, сопоставимый с целой жизнью в реальном мире, а там пройдёт ничтожное мгновенье. Сказано же тебе, что вернёшься именно в тот момент, когда покинул Упорядоченное.

– Круто. А в прошлое попасть можно?

– Нет. Все временные потоки тянутся в одном и том же направлении, хоть и с разными скоростями. Мы сейчас в самом быстром из них, по сравнению с которым время твоего мира практически стоит на месте. И пока ты тут, можешь заодно пораскинуть мозгами, как лучше тебе действовать, когда снова попадёшь в тело.

Мысленно вздохнув, Паша принял обычный человеческий вид. Подумать действительно было над чем.

– Ладно, задержусь ради более близкого знакомства с иномирным коллегой. В шахматы играешь?..

С трудом Павлу удалось преобразовать небольшой участок песка в ровную площадку с чередующимися тёмными и светлыми квадратами. С фигурами пришлось провозиться немного дольше. Метаморфозы на себе самом давались куда легче. Очевидно, сказывалась близость Стража противоположного мира, хотя тот всё прекрасно понял, и отошёл подальше,

чтобы не мешать, с интересом наблюдая со стороны за действиями Манина. Играть в шахматы он не умел, но быстро научился, схватывая на лету. Так что сыграли не только в шахматы, но и в шашки, не забывая вести при этом неторопливую светскую беседу.

Выходец из Хаоса пытался рассказывать о своём мире, но Манин, как ни старался, не смог проникнуться пониманием его устройства. Ему казалось диким и нереальным общество, где не существует не то что законов, а элементарных правил поведения. Причём не только в межличностных отношениях. Не было там никакого более-менее приемлемого для всех порядка ни в строительстве, ни в образе жизни, ни во внешнем облике обитателей. Населяющие этот бордель существа постоянно видоизменялись, перетекая в разнообразные формы, жили где придётся, и питались всем подряд, не брезгуя абсолютно ничем. Одним словом – Хаос!

Попытки Манина описать жизненный уклад своего мира на примере собственного городка тоже не увенчались успехом, встретив недоумение со стороны собеседника. Видя, что разговор не клеится, Паша закрыл тему и начал травить анекдоты. Большинство из них прозвучали впустую, разбившись о гробовое молчание истукана, однако над некоторыми особо пошлыми он изволил-таки посмеяться. Затем выдал парочку своих «весёлых» историй. Ничего смешного в них Павел не увидел (сплошные ужастики), но из вежливости улыбался.

Так бы Стражи и разошлись, не достигнув взаимопонимания, не догадайся Манин затронуть насущную для обоих тему: несение пограничной службы. Тут-то каменный коллега дал волю красноречию. На правах ветерана он решил поделиться опытом с молодым Стражем, а Павел привычно впитывал новую информацию, попутно вставляя уточняющие вопросы. Его интересовало всё связанное с Мраком: как часто и каким образом эти существа нелегально пересекают Зыбь, попадая в Упорядоченное, а главное – для чего им это?

Ответ оказался до одурения прост. Мрак таким образом питается. Не то, чтобы в Хаосе нечем прокормиться (иначе как бы они жили?), просто в мире Манина пища другая. Разрушаемая энергетика Порядка для созданий Хаоса сродни опиуму для наркоманов. Стоит попробовать раз – и больше не оторваться. И чем дольше этим промышлять, тем сильнее привязанность. Вроде и бегал-то не часто, а уже не можешь без этого. Тот Мрак, которого изгнал Паша, скорее всего, быстро умрёт в жесточайшей «ломке», поскольку попасть в Упорядоченное ему больше не светит.

– Что же вы наркоманов своих не сдерживаете, чтобы к нам не совались? – возмущался Павел, но на такие вопросы получал вполне лаконичный ответ: «Не могут Стражи против своих идти, либо путь им преграждать. Вот других не пускать – да».

И всё на этом, хоть тресни. Хоть с пеной у рта доказывай необходимость принятия кардинальных мер по усилению охраны Границы. Однако с природой не поспоришь, потому как и Павел в новой для себя должности Стража не в состоянии оградить соотечественников от их же безумного желания оказаться в мире Хаоса. Только полностью противоположные сущности ему подвластны. Как говорится, что на роду написано.

Остаётся горько взирать на потуги родных мирян, пересекающих Зыбь в стремлении покинуть отчий дом. Что их гонит из насиженных тел в чуждую неизвестность? На этот вопрос не знал однозначного ответа даже опытный истукан, многозначительно заметив, что наркотическая тяга к особой пище играет далеко не первую роль. А поток эмигрантов со временем лишь увеличивается.

Наговорились вдоволь. Страж Хаоса благодушно проурчал:

– Ну, приходи ещё поболтать, когда тебя снова в Зыбь занесёт. Меня только позовёшь, я сразу и появлюсь.

– Как же я позову, если даже имени твоего не знаю. Или его у тебя нет?

– У меня их много. Всё и сам не упомню.

– Скажи хоть одно, на которое откликаться будешь.

Каменный человек принял позу мыслителя, сразу напомнив Паше хорошо знакомую скульптуру, на которой смешно смотрелись ассиметричные глаза Стража.

– Мне понравилось имя «Балбес», которым ты назвал меня за игрой, – прогудел, наконец, он. – Вот на него и откликнусь.

– Ну, Балбес так Балбес, – посмеялся Манин. – А меня зови...

– Знаю, – перебил Страж Хаоса, – ты говорил, что Мавр.

Паша хотел было поправить коллегу, но пока вспоминал, когда успел столь экстравагантно представиться, прошло время, а с ним и желание что-либо менять. Ладно, пусть будет Мавр. Всё-таки место здесь настолько необычное, что лучше побережься и вовсе не произносить подлинных имён. Отныне Зыбь, желает она того или нет, будет знать нового Стража под прозвищем Мавр.

– Вот и познакомились, – подвёл итог развеселившийся Павел. – Ну, бывай, Балбес.

Привычным движением он протянул руку Стражу Хаоса, но тот вдруг отскочил от неё, как чёрт от ладана, сохраняя безопасную дистанцию.

– Что с тобой? – удивился Манин, делая к нему шаг.

Балбес опять отпрыгнул назад, проскрежетав:

– Не делай так! Никто не может предсказать, что произойдёт, если Стражи Хаоса и Порядка соприкоснутся.

– О чём ты?

Видя, что Павел больше не двигается, Балбес вроде бы успокоился.

– А почему, по-твоему, мы не можем сходиться в Поединке или менять структуру Зыби, находясь друг возле друга? Да потому, что даже короткий контакт противоположных энергетических сущностей Стражей способен породить их слияние или полную аннигиляцию. В обоих случаях это приведёт к нашему уничтожению. А про последствия в твоём и моём мире и думать не хочется. Может, они и уцелеют, но вселенской катастрофы при этом не избежать.

Вот тебе и дружеское общение с коллегой. Разговаривай, играй, но трогать не смей. Ни за ручку поздороваться, ни по плечу похлопать, ни подзатыльник дать. На локотках с ним и то не поборешься, да на щелбаны не поиграешь. Доступны лишь мирные переговоры, а если вспыхнет ссора и дело дойдёт до дуэли, то и она может быть только словесной. Паша вспомнил, что с самого начала истукан сидел на приличном удалении от доски, а фигуры переставлял всегда после того, как убеждался: соперник не собирается тянуть к ним руку.

Ничего, приноровимся как-нибудь. Главное – соблюдать технику безопасности. В любом случае знакомство состоялось, имена прозвучали, пора и честь знать. Дома заждались родные жулики, которых ни в коем разе нельзя надолго оставлять, а то без надлежащего присмотра так и норовят распоясаться. А сколько Мрака в них сидит – непочатый край работы. Уж теперь-то он знал, как управляться с нелегальными паразитами.

– Ещё увидимся! – махнув на прощание Балбесу, Манин трансформировался в нечто бесформенное, оторвался от песка и стал удаляться от Зыби, цепляясь мысленно за своё тело, чувствуя нарастающую связь с физической оболочкой, находящейся где-то далеко, в совершенно ином измерении.

Сколько бы Паша ни раздумывал над тем, как разрулить возникшую с Хариным ситуацию, ничего путного в голову не приходило. Будь что будет, решил он, и нырнул в тело.

Страж Хаоса не соврал (даром, что Балбес): Павел действительно очутился в том же месте и времени. Ощущение лёгкости сменила неприятная тяжесть, отдающая, кажется, в каждой клетке человеческой оболочки. Стало невероятно трудно держать пистолет в вытянутой руке. Опустить бы его, да и прилечь на какой-нибудь свободный диванчик, но из-за мушки на Манина бешено тарасил глаза убийца, почти поднявший карабин. Ещё миг, и ствол упрётся в грудь. Потом плевков свинца – и конец.

Аура Харина едва светилась, однако черноты в ней больше не было. Перед Пашей стоял человек, свободный от влияния Мрака. Растоптанный, подавленный, но человек, способный принимать самостоятельные решения и полностью отдающий отчёт своим действиям. Манин понял, что не сможет выстрелить первым. Разве в ответ, когда будет поздно спасать свою шкуру. Вся надежда на то, что и Харин откажется стрелять.

«Ну же, Олег, в тебе ведь нет больше Мрака. Что ты будешь делать?»

Мгновения растянулись в минуты, секунды казались часами. А выстрела не было. Похоже, преступник раздумывал, стоит ли ему сыграть с судьбой в орлянку.

Оружие в руках убийцы задрожало. Выражение лица Харина стало меняться. Уголки губ поползли вниз, ломая зловещую полуулыбку, превращая в нечто бесформенное. Из приоткрытого рта вырвался хриплый стон. Наполненные влагой глаза уплыли в сторону. Загромыхал по полу выпавший из разжатых пальцев карабин. Продолжая стонать, Харин с силой ухватил кулаками себя за волосы, и, наклонив голову, медленно опустился на пол. Только теперь Манин, громко выдохнув, убрал онемевший палец со спускового крючка и позволил руке с пистолетом упасть вниз, чувствуя прохладу прилипшей к спине рубахи, насквозь мокрой от пота.

Перед ворвавшейся в дом группой захвата предстала удивительная картина. В одной из комнат на полу сидел Манин, держа между согнутых колен поставленный на приклад карабин, и отрешённо дымил сигаретой. Рядом привалился к стене Харин, задержанный им убийца, на котором почему-то не было наручников. Он откровенно рыдал, уткнувшись лицом в плечо опера. Такого финала поимки опасного преступника не могли припомнить даже самые старые служаки.

– Вот и неотложка за тобой приехала, – пробурчал Павел. – Пошли, Олег.

Он встал и, не оборачиваясь, первым направился к выходу из дома. Харин послушно, как запрограммированный робот, доплёлся за ним до милицейского УАЗика, залез на заднее сиденье и затих там, свесив голову на грудь.

После этого случая по райотделу поползли слухи, что Манин открыл и развил в себе талант гипнотизёра, с помощью которого одним взглядом способен превратить отъявленных бандитов и убийц в безобидных овец, мирно бредущих за пастухом. Но никому, кроме Манина, не суждено было разглядеть за внешним обликом самого закоренелого преступника выпитую и раздавленную Мраком энергетическую сущность обычного человека, жалкие остатки которой, чудом уцелевшие, едва тлели в хрупкой, пусть иногда и очень сильной на вид телесной оболочке.

* * *

– Страж Света?! Откуда он взялся?

– Подозреваю, кому-то очень захотелось переломить ситуацию в Шаданакаре не в нашу пользу.

– Так растоптал бы его, и дело с концом!

– Нельзя.

– Почему? Сам же говоришь, он ещё не окреп.

– Вот именно. Значит, нам не страшен. А мне с ним биться не след, потому как, победив Стража, я неминуемо попаду в Упорядоченное. Знаешь, чем это грозит?

– О да! Шаданакар намучается, а мы пресытимся.

– И будем вынуждены искать другой обитаемый мир. Нет, не пойдёт. Здесь мы создали вполне устойчивый симбиоз. Нам никогда не удавалось так долго соседствовать со Светом. Всегда войны, всегда уничтожения. Зачем, если можно иметь постоянный источник силы? Достаточно чуть-чуть подправить его мировые законы.

– Так что со Стражем?

– Займись им сам. Все пути в Энроф теперь ведут через него. Вот и загрузи его работой, чтобы продохнуть не мог. Привлеки побольше младших братьев. Не жалея их, постоянно скормливай Стражу, да наблюдай. Ну, и я поучаствую по мере сил. Мне очень интересно: по чьей милости он вдруг объявился в Шаданакаре...

Глава 2

На следующий день Пашу отправили в десятидневный отпуск, разумно посчитав, что он пережил психологический стресс.

Тем же вечером соратники по оружию потребовали от него «проставиться» по случаю неожиданно свалившихся десяти дней безделья. Не рискнув обманывать лучшие чувства товарищей, Манин набрал водки у знакомого предпринимателя (в долг до зарплаты) и устроил дома настоящий сабантуй. Его служебную квартиру посетил не только весь личный состав уголовного розыска, за исключением находящихся на дежурстве, но и некоторые сотрудники других подразделений, которые любили выпить не меньше, а то и больше прочих. Самые стойкие гости покинули место коллективной пьянки только под утро. Хорошо, что Павел жил один. И соседи подобались понятливые, такие же бессемейные холостяки.

Справедливости ради сказать, посиделки, подобные этой, устраивались у него не часто. Да и шума от них было немного, так что соседям жаловаться не пристало. Те и сами не прочь иной раз гульнуть на широкую ногу.

Весь последующий день Манин отсыпался, что несколько месяцев было для него непозволительной роскошью. Заодно постепенно восстановил организм, не мучая больную голову ранним подъёмом и работой. Сон в качестве лекарства оказался весьма кстати, однако незаметно поглотил в похмельном угаре пропавшие втуне первые сутки и без того короткого отпуска.

Зато потом, когда навёл идеальный порядок в квартире, не выдавшей такой чистоты с момента вселения, в запасе у Павла оставалась целая неделя на «разбор полётов». За эти дни он в спокойной обстановке не раз прокручивал в голове все подробности последнего задержания, гоняя их туда-сюда, как видеозапись с места происшествия.

Главное, он понял, что способен бороться с Мраком на новом, энергетическом уровне. Выдворять паразита из человеческого тела, после чего демон-искуситель вернуться уже не мог. Это не людей в тюрьму сажать, а избавлять их от потустороннего. Причём навсегда. И не отвлекаться потом на одних и тех же пришельцев извне, а заниматься новыми. Тот самый случай, когда преступник высылается из страны насовсем.

Здесь Павел мысленно поставил большой и жирный плюс. Но радоваться не спешил, поскольку за плюсами всегда тянутся минусы, ничуть не меньшим числом, по-другому не бывает.

«Хорошо Стражам Хаоса, – лёжа на кровати, размышлял Паша, разглядывая трещины на потолке. – Ловят перебежчиков прямо на Границе и заворачивают назад. А тут на собственной территории воюешь. Тяжеловато проводить экстрадицию в массовом порядке. Мне до переноса рабочего места в Зыбь ещё чертовски далеко...»

Интересно, как много Стражей в Хаосе, что им удаётся перекрывать всю Границу? А со стороны Упорядоченного, если верить Балбесу, вообще никакой преграды нет. Почему так? Не было нужды? Совсем, видно, плохи дела у Порядка, если ему Стражи понадобились. А Манин – первая ласточка нововведения небесной канцелярии. Так сказать, пробный экземпляр.

«Вот ведь повезло, – улыбнулся кисло. – Могли бы парочку помощников подкинуть, или хотя бы инструкцию по эксплуатации дать, чтобы ввести в курс дела, как эта способность работает. Так нет же, один управляйся. Своим умом до всего доходи. Выкручивайся, как хочешь».

– Подсказали бы, что делать! – крикнул равнодушному потолку.

Ответа, как и ожидал, не последовало.

Встав с кровати, пошёл на кухню, привычным движением вдавил кнопку чайника. Закурил, выпуская табачный дым в открытую форточку, продолжая рассуждать под негромкое шипение нагреваемой воды: «Где это видано, чтобы один человек противостоял целому миру. Почему не создать команду Стражей? Нет достойных? Чушь. Чем я лучше? Можно добрую

половину ментов на это подрядить, а начальником Иваныча сделать. А что, сразу звание маршала ему. Уверен, справился бы. Тогда мимо нас никакому Мраку не проскочить. Постоянно бы кто-нибудь в Зыби сторожил, сколько влезет...»

Размышления прервал резкий хлопок, разорвав, точно выстрелом, тишину пустой квартиры. Чайник отключился, чтоб его... Рука невольно дрогнула, роняя на пол сигарету, которая, как выяснилось, успела истлеть до фильтра и обжечь пальцы.

– А, чёрт! – выругался Манин, сдувая с кожи горячие угольки, одновременно топча окурок.

Ну вот, ещё одна дыра в линолеуме. По уму, давно бы его поменять, а то живого места не осталось. Хотя какой из этого прок. Новый линолеум до первого наплыва гостей целёхоньким и долежит. Стели, не стели, всё одно изорвётся.

«Вот и с Мраком та же беда, – горько вздохнул Павел. – Сколько ни выпроваживай, меньше не станет. Скоро все будем плавать по уши в дерьме».

С такими невесёлыми мыслями он налил себе кофе, вернулся в зал, по пути вдыхая источаемый напитком приятный аромат, и уселся в кресло перед телевизором.

Переключив несколько каналов с детективами и ужастиками, которых с избытком хватало и в повседневной жизни, Манин остановил выбор на первом попавшемся концерте. С экрана полуголые девицы и женоподобные мужчинки, энергично прыгая по сверкающей разноцветными огнями эстраде, горланили так называемые песни, тексты и простенькие мелодии которых были далеки от совершенства. Нормальный человек давно бы запыхался, не в силах допеть и до половины, а этим хоть бы хны, даже одышки нет. О чём это говорит? Правильно, о плохо скрываемой фонограмме.

Впрочем, Павла это не напрягало. Незатейливая музыка служила звуковым фоном, удобным для размышлений. В полной тишине только спать хорошо. А тут орущие люди, напмаженные и разодетые под клоунов, мелькание света, однотипная мелодия, напоминающая перестук вагонных колёс, и кофе... Волей-неволей взбодриться, и хандру как рукой снимет. Даже мыслить начал позитивнее.

Подумал, к примеру, что может оказаться не единственным Стражем Упорядоченного. Если Балбесу они не попадались, это ни о чём не говорит. Сам-то Манин много Стражей Хаоса видел? В том-то и фикус, что одного. Не делать же вывод, что путь туда охраняется одним Балбесом. Просто с другими пока не встречался.

Ничего, со временем всех увидит. Главное, продолжать начатое, а там понятно будет, один ли Страж держит границу или есть у него товарищи по несчастью. А пока крепче стисни зубы, опер, и приступай к исполнению обязанностей по очистке Упорядоченного от незаконных мигрантов из иного мира.

Оставшиеся дни отпуска Паша посвятил попыткам выйти из тела, лелея надежду прошвырнуться энергетической сущностью по окрестностям, используя такой способ для наблюдения за преступниками. Но стоило ему расслабиться, как сразу засыпал. Зато помнил каждое сновидение до мельчайших подробностей, и мог, просыпаясь и засыпая вновь, «досмотреть» сон с того момента, на котором тот прервался.

Павел оказывался в совершенно незнакомых местах, чаще заселённых, с непонятной планировкой улиц, со зданиями причудливой архитектуры. Мог пересекать и пустынную местность на автомобиле неизвестной марки, или на телеге, запряжённой не то конём, не то волком.

Однажды увидел себя на современном, переполненном зрителями стадионе, где вместо футбольного матча проводились гладиаторские бои, а в перерывах между схватками выступали эстрадные певички из недавнего концерта. Правда, одежды на них в этот раз не было вовсе.

Что только ни делал он во сне: воевал, учился, разбивал и чинил машины, гонял бандитов, женился, растил детей, разводился, и прочее, прочее... Словом, проживал целые жизни

в различных ипостасях, такие одинаковые и вместе с тем полностью противоположные. Но всегда и везде, будь то в густонаселённом городе или в совершенно пустынной местности без домов, автомобильных дорог и пешех тропинок, его окружали люди, в большинстве незнакомые, с которыми раньше не доводилось встречаться. Попадались, правда, и те, кого он знал, но вели они себя совсем не так, как в жизни, словно экспериментировали над собственной судьбой.

Постоянное присутствие компании сбивало с толку, отвлекая внимание и не давая заметить главного. Даже когда увидел, что может менять окружающую среду на своё усмотрение, истина открылась не сразу.

Ещё какое-то время после этого Паша разгуливал по хитросплетениям многочисленных улиц, развлекаясь тем, что менял их направления, передвигал дома, делал стены прозрачными, изучая быт живущих за ними людей. С любопытством наблюдал за семейными сценами, страстной любовной игрой, бесшабашным весельем и пьяными разборками, пока до него вдруг не дошло, что всё вокруг и есть Зыбь.

Проверить догадку оказалось проще простого. Стоило позвать Балбеса...

Даже орать не пришлось, надрывая воображаемые голосовые связки. Достаточно было подумать о Страже Хаоса, пожелав оказаться перед ним, как окружающее изменилось. Исчезли гомонящие на разные голоса люди, коробки домов, ревущие автомобили.

Освобождённую площадку покрыл зелёный газон мягкой ровно постриженной травы. Посреди лужайки торчал одинокий кряжистый дуб, раскинув по сторонам огромные лапы-ветви с широкими листьями. На необъятном стволе, на уровне человеческого роста, Паша увидел глаза Балбеса, образованные двумя сучками. Само собой, разной величины. Под ними темнело небольшое дупло. «Рот», – догадался Манин.

– Привет, Мавр, – услышал он знакомое гудение, в этот раз похожее на завывание ветра в полом стволе дерева. Само дупло не шевельнулось, сохраняя округлую форму. – Хочешь в шахматы поиграть?

Между ними начал появляться квадрат игрового поля. Светлые клетки из травы, срезанной по самые корешки, а тёмные и вовсе лишены растительности – голый чернозём.

– Не думал, что Зыбь так густо заселена, – вместо приветствия пробормотал Павел, ошеломлённый сделанным открытием. Уселся, скрестив ноги, у своего края «доски» и стал наблюдать за медленно вырастающими из неё шахматными фигурами.

– А как ты хотел, – хмыкнул Балбес. – Кто-то из ваших сказал, что энергия не исчезает, а переходит из одного состояния в другое. Так оно и есть. Физическая оболочки активна, пока энергия сидит в ней, но хрупка и быстро изнашивается. Если энергетическую сущность из неё периодически не извлекать, загоняешь раньше времени. Приходится давать отдых. А куда деваться энергии на это время? Она же величина постоянная. Вот и переходит в Зыбь рядом со своим миром, чтобы тут перекаптоваться.

– Почему же в прошлый раз я никого здесь не видел, когда с Мраком бился?

– Ты и теперь никого, кроме нас, не видишь. Я же сказал: «рядом со своим миром», а мы довольно далеко от твоего мира и моего тоже. Это Граница, куда одни лазутчики забредают.

– Как же так? Ведь я только что находился среди людей... То есть среди их сущностей.

– Захотел встретиться со мной и переместился дальше. И я тебя услышал, навстречу вышел. Делов-то... Тебе шах.

За разговором они не забывали об игре, но Манин делал ходы по наитию, не загружая мозг сложными комбинациями. Вот и попался. Но сейчас его интересовало совсем другое.

– Значит, за тобой возле Хаоса тоже скапливаются энергетические сущности, только из твоего мира?

– Конечно.

– И они спокойно шныряют туда-сюда, в том числе и в Упорядоченное?

– Ну... да, – с небольшой задержкой прогудел Балбес. Потом понял, куда клонит собеседник, и возмущённо зашелестел кроной. – Твои, между прочим, тоже в Хаос норовят проскочить. Правда, бессознательно. Любопытные больно. Я их быстро отваживаю, даже Поединки объявлять не надо, сами сбегают.

– Да я не в претензии, – махнул рукой Паша. – Это твоя работа. Просто получается, что Мрак, скорее всего, подыскивает себе жертвы здесь, в Зыби, цепляется к выбранным сущностям людей, вместе с которыми подселается в их тела. Пытаюсь вкурить весь механизм проникновения, чтобы лучше с ним бороться.

– А-а, – понимающе проскрипело дерево. – Коли что надо, всегда у меня можешь спросить. Подскажу, если что.

– Спасибо. А ты, кстати, откуда столько про Упорядоченное знаешь? Бывать у нас приходилось?

– Нет. Что ты, – ветки дуба качнулись в отрицательном жесте. – С лазутчиками иногда беседовал по душам, когда понятливые попадались да не удирали сразу. Вот и расширил кругозор.

– Угу. Так, может, и в шахматы давно научился играть, а передо мной комедию ломаешь?

– До тебя об этой замечательной игре никто почему-то не упоминал. Тебе, кстати, мат...

Прощаясь с Балбесом, Манин твёрдо решил приложить все силы к вытеснению Мрака из Упорядоченного. Даже набросал общий план действий, состоящий пока из двух пунктов. В первую очередь необходимо очистить хотя бы свой район от засилья демонов. И, во-вторых, для закрепления успеха поставить в Зыби непреодолимый заслон прорыву этих сущностей в реальный мир.

Что ж, план есть, можно приступать к исполнению.

Но не таким представлял он возвращение на службу после непродолжительного отдыха. Работа быстро взяла в оборот и закрутила, не давая опомниться.

Едва Паша успел изучить последние происшествия в журнале регистрации, где не нашёл ничего серьёзного, но взял на заметку несколько фамилий для более «плотного» общения с глазу на глаз, как зазвонил телефон внутренней связи.

– Манин слушает.

– Ты вышел из отпуска? – сразу узнал голос дежурного. – Вот и хорошо. Для тебя работёнка имеется. Тут одна бабенция с мужем пришла, изнасилование заявляет. Пообщаешься?

– Валер, имей совесть, я сегодня первый день работаю. У тебя дежурный опер есть. Насколько мне известно, он на месте, никуда не задействован.

– Всё равно же тебе потом заниматься. Кто у нас по тяжким?

Убийственный аргумент, ничего не скажешь. Действительно, материал отпишут не кому-нибудь, а Манину. Лучше сразу начать с ним работать, чтобы, как говорится, быть в теме.

– Ладно, – вздохнул Паша, – отправляй её ко мне. Только одну, без мужа. Он пусть возле дежурки постоит. Я её на этаже встречу.

Положив трубку, вышел из кабинета и направился к лестнице. По ней торопливо поднималась потерпевшая – судя по фигуре, молодая девушка. Но стоило ей повернуться лицом и взглянуть на Манина, как из груди у него вырвался досадный стон:

– Вера?! В чём дело?

– Представляете, изнасиловали! – захлопала Вера жиденькими ресничками.

– Опять?! – в тоне Павла смешались негодование и лёгкий сарказм, вызванные вовсе не фактом изнасилования девицы, а её личностью.

– Ага, опять, – просто кивнула девушка.

У Манина имелись веские причины не доверять этой особе.

Около трёх месяцев назад, когда он по странному стечению обстоятельств тоже вышел из отпуска, она уже заявляла, что по дороге домой встретила в парке незнакомого парня, который там же её и изнасиловал. Описала преступника довольно подробно. Судя по тому, как дерзко он себя вёл, Паша решил, что парень судимый. Отобрав несколько похожих фотографий из картотеки подучётников, он предъявил их девушке, и та с уверенностью показала на фото Андрея Воробьёва.

Ничем не примечательный юноша, мелкий воришка, пару раз попавшийся на кражах. Он и кличку носил тривиальную – «Андрей-Воробей» или просто «Воробей». Никакого Мрака в нём не было. Обычный человек, потерянный в рутине житейских проблем. С чего бы ему вдруг насильничать? Разве что недавно подцепил Мрак на свою голову.

Как бы там ни было, заявление подано, потерпевшая указывает на конкретное лицо, которое совершило преступление, а значит, имеются все основания к задержанию. Однако Манин знал, что мало надеть наручники на Воробьёва и посадить в камеру. Потребуется доказательная база, поскольку тот будет всё отрицать.

Не беда. За этим дело не станет. Одно опознание вживую, в результативности которого он не сомневался, гарантированно отправит преступника за решётку.

На служебном УАЗике Паша привёз девушку в прокуратуру, где с рук на руки передал вместе с бумагами тамошнему следователю, рассказав о своих наработках.

С опознанием решили не тянуть, и Манин помчался за Воробьёвым. Нашёл его быстро. Не заметив присутствия Мрака, попытался расколоть вора на скорую руку прямо в машине, без особой надежды на успех. В чём скоро и убедился, когда в ответ на расспросы задержанный энергично мотал головой и делал большие глаза, выказывая полное недоумение.

– Даю тебе время подумать, пока едем до прокуратуры, – не став больше себя утруждать, назидательно произнёс Павел. – Когда окажемся там, о явке с повинной можешь забыть. После опознания тебе одна дорога – в СИЗО, где насильников очень не любят и определяют в специальное общежитие под названием «петушатник».

Остаток пути Воробей проделал молча, не проронив ни слова.

– Выходи, – разочарованно вздохнул Манин, когда УАЗ остановился возле прокуратуры. – Дурак ты, Андрюша.

В кабинете следователя Воробей подсел к двум статистам и упёр отрешённый взгляд в окно. Павел мысленно потирал руки. Ещё бы: считай, в течение дежурных суток раскрыл изнасилование. Тяжкое преступление против личности! Осталось пригласить потерпевшую, чтобы она ткнула пальцем в преступника, и дело в шляпе. Дальше пусть прокуратура над бумагами кропит. Это уже технические проблемы.

Вера вошла, ни на кого не глядя, и остановилась возле двери. Когда её спросили: «Узнаёте ли вы кого-либо из представленных на опознание мужчин?» – глаза Веры вскользь пробежали по статистам и, споткнувшись на Воробьёве, уплыли в сторону. Она уставилась в пустое пространство перед собой. Уши вспыхнули, став ярко-пунцовыми. Манину, который стоял позади, показалось, что он чувствует исходящий от них жар.

– Нет, я никого не узнаю, – нерешительно промямлила девушка.

Что?! Как так! У Павла едва не вырвался возмущённый крик. Следователь, тоже ожидавший совсем другого ответа, потерял дар речи. Статистам и понятным было сказано помалкивать, что они и делали. А Воробьёв продолжал равнодушно пялиться в окно.

В груди Павла бушевала буря. Он готов был придушить эту куклу прямо здесь и сейчас. Что она вытворяет? Ведь уверенно показывала на Воробья на фото и на видео. Не могла она его не опознать.

Оставив надежду на онемевшего следователя, Манин с трудом разлепил злобно сжатые губы и попытался спасти ситуацию:

– Не торопитесь, Вера, посмотрите внимательно...

– Я посмотрела.

– Подойдите ближе, – продолжал настаивать Паша. При этих словах Верка бросила на него быстрый взгляд, в котором читался явный испуг. – Можете попросить любого из опознаваемых встать, повернуться к вам, чтобы лучше разглядеть.

– Нет, нет, не надо, – поспешно замотала она головой. – Я всех разглядела. Это не он.

– Кто «не он»?

Сообразив, что сморозила лишнее, Вера потупилась, тихо сказав:

– Его здесь нет, – и зарделась ещё больше.

«Что ты творишь, девочка!»

Манину стало ясно: сегодня Воробей ушёл от тюрьмы. Продолжать этот фарс было бессмысленно. Пора закругляться. В полной тишине следователь дописал протокол, собрал подписи всех участников и объявил следственное действие оконченным. Воробьева пришлось отконвоировать в машину и оставить под охраной водителя. Манин же вернулся в кабинет.

– Что это значит?! – набросился он на Верку, которая, понурив голову, сидела напротив следователя. – Ты так шутишь?! Поиграть со мной вздумала?!

– Я испугалась... – заплаканный голос и глаза на мокром месте.

– Чего испугалась, когда вокруг столько народа?! Да если бы ты сейчас на него показала, он бы уже в камере парился!

– А если бы его не посадили? Он же меня знает!..

Она осеклась, но поздно. Паша всё понял. Верка тоже прекрасно знала Андрея. Может, училась с ним в одном классе, но молчала об этом. Теперь Манин был окончательно сбит с толку. Либо она полная дура, либо наоборот, слишком умная, и ведёт какую-то свою замысловатую игру. Тут, скорее всего, первое. Но если второе...

– Почему ты не сказала, что знакома с ним? – Павел угрожающе навис над плачущей девушкой.

Вера съёжилась под его прожигающим взглядом.

– Не хотела, чтобы из-за меня у него были неприятности, – слышался едва различимый плаксивый голосок.

Ну, точно, дура. Фамилию с кличкой не захотела называть, зато по фотографии опознала.

Следуя твёрдой привычке всегда и всё доводить до конца, Манин заставил Верку пересказывать историю с изнасилованием с самого начала. Переспрашивал по несколько раз, выясняя мельчайшие подробности, устраняя противоречия, пока к исходу дня не докопался до истины. А заключалась она в том, что никакого изнасилования не было. Всё произошло по взаимному согласию между Веркой и Воробьём.

В парке они встретились случайно. Ну а раз оказались вдвоём в столь заманчивом интимном месте, решили поразвлечься. Просто после естественного полового акта парню захотелось чего-нибудь экзотического, и он предложил подруге сделать ему минет. Та начала отбрыкиваться, но Воробей настоял на своём, слегка повысив голос: «Давай, давай, не ломайся». И она сделала то, что от неё требовали, с необходимым прилежанием и высоким качеством обслуживания. После этого они любовно разошлись, однако Верка подумала, что над ней надругались, и пошла в милицию заявлять об изнасиловании.

Следователь, похохатывая, записал Веркины показания и дал подписать протокол. В тот же день он вынес постановление о прекращении уголовного дела за отсутствием в действиях Воробьева состава преступления.

И вот она снова явилась рассказывать страшную историю об очередном изнасиловании. Ещё и с мужем в придачу. Это уж слишком. Ну почему первое дело после выхода из отпуска всегда такое корявое?

– Тааак, Верочка, – насторожённо протянул Манин, беря её под локоть. – Пошли-ка в кабинет, где ты мне сейчас обо всём подробно расскажешь.

Усадив девушку на стул, он демонстративно отодвинул бумаги в сторону, сказав:

– Давай побеседуем без протокола. Итак, что привело тебя на этот раз?

По словам Веры, она вчера вечером, когда муж отправился работать в ночную смену, зашла в гости к своим знакомым. Те, по счастливому стечению обстоятельств, отмечали день рождения. Естественно, ей предложили выпить. Недолго думая, девушка присоединилась к застолью и довольно весело провела остаток вечера. А когда засобиралась домой, её вызвался провожать один из гостей, по имени Серёжа, которого Вера до этого момента не знала. Несмотря на то, что её дом находится по соседству и делит один двор со зданием, куда Верку занесла нелёгкая, от сопровождения она не отказалась.

Поднялись в квартиру, в которой девушка живёт с мужем. Пользуясь тем, что мужа нет дома, Сергей напросился в гости «на чай». Там и совершил насилие, прямо на супружеском ложе. Ещё и кулаком по скуле приложил, о чём красноречиво свидетельствовал припудренный синяк под Веркиным глазом.

– Подожди, – прервал её Манин, – давай с этого места поподробнее. Когда ты открыла дверь, то сама пригласила Сергея к себе?

– Нет. Он вошёл внаглую. Заявил, что чаю хочет.

– Но ты не сказала, чтобы он выметался?

Она отрицательно мотнула головой.

– А что сделала?

– Пошла на кухню наливать чай.

Так, незаконное проникновение в жилище отпадает. Пойдём дальше.

– Что потом?

– Я хотела спать, поэтому легла в постель.

– Одета? На заправленную кровать?

– Нет. Разделась и легла под одеяло.

– А он где был?

– На кухне чай пил.

Нормально! У тебя в квартире абсолютно чужой дядя чаи гоняет, а ты, находясь наедине с ним, вместо того, чтобы выпроводить его за дверь, раздеваешься и лезешь в постель. Такой тонкий намёк на толстые обстоятельства любой мужик истолкует однозначно.

– Дальше?... – Манин уже примерно представлял, что могло последовать за этим.

– Он зашёл в комнату и лёг рядом со мной. Начал приставать. Я почти засыпала. Спрашиваю: «Что ты делаешь?» – а он трусики с меня снимает.

– Снял?

– Ага, снял. Потом на меня залез и того, насильничал.

– Ох, Верка! – Павел глубоко вздохнул. – И в кого ты такая? Почему не скинула его с кровати, когда он только ложился? Или на тот момент возражений не было?

Девушка неуверенно повела плечиками.

– Я подумала, он тоже спать хочет. Кровать-то у нас одна...

– А когда Сергей этот начал тебя ласкать и трусы стаскивать, он силу применял? Угрожал тебе чем-то?

– Нет... Но он же мужчина. Как бы я с ним справилась?

Павел не выдержал и повысил голос:

– Кусалась бы и царапалась! В трусы бы вцепилась так, что никакой мужик на свете не смог бы их снять! Может, он тебе руки заламывал?! Ведь не было ничего такого!

Верка замотала головой, испуганно таращась на Манина.

– Тогда получается, что ты хотела, чтобы он это сделал. И обласкал, и снял трусики, и всё остальное тоже! Да или нет?!

Её плечи опустились, голова виновато упала на грудь. Послышался слабый писклявый голосок:

– Выходит, что так...

Не хватало, чтобы она тут рыдала.

Более спокойно Паша произнёс:

– Хорошо. А синяк-то когда подцепить успела?

Девушка вскинулась, подняв на опера влажные глаза, быстро запричитала:

– Это он, проклятый. Сделал свои дела, оделся и на выход. Я ему говорю: «Ты зачем меня изнасиловал?» А он вдруг возьми да и стукни кулаком по лицу. Я на кровать упала, а Серёжа этот хлопнул дверью и ушёл. Муж утром с работы вернулся, синяк увидел, начал спрашивать. Пришлось ему всё рассказать. Он и повёл меня в милицию, чтобы я заявление написала. Иначе зачем бы мне это...

Едва не рассмеявшись, Манин отвернулся, чтобы скрыть улыбку. Ну и баба! Мало того, что своему супругу изменяет, так ещё и других мужиков подводит под статью.

Положив перед Веркой чистый лист, подал ей ручку.

– Значит так, барышня, никакого изнасилования не было. Это мы с тобой только что выяснили, – подождав, когда она кивнёт, продолжил: – Единственное, что здесь усматривается, это причинение побоев, статья сто шестнадцать Уголовного Кодекса. Будешь заявление писать?

– Угу, напишу, пожалуй, а то муж всё-таки привёл...

– Пиши, – Павел придвинул к ней листок.

Через полчаса он проводил Верку к дежурной части и передал заявление вместе с подробным объяснением дежурному. Девушку встретил угрюмый муж, наверное, не спавший с ночной смены. На его вопросительный взгляд она покрутила перед носом зажатый в руке бланк направления на медицинское освидетельствование, заполненный Пашей, и, что-то втолковывая супругу, вместе с ним покинула здание райотдела. Только после её ухода Манин с облегчением перевёл дух.

В этот момент Валерий Палыч, старожил дежурной части, закончил изучать исписанные стремительным оперским почерком бумаги, подняв на Манина удивлённые глаза.

– Ну, ты даёшь, – спустя какое-то мгновение произнёс Палыч. – Это ж надо так лихо изнасилование на побои перекрутить. Молодец! Не зря я эту бабу к тебе отправил, а то сейчас бы всем отделом насильника разыскивали.

Но с уходом Верки сюрпризы первого рабочего дня не иссякли. Они словно специально затаились, чтобы навалиться скопом, поджидая, когда Манин отдохнёт и с новыми силами вернётся на службу.

До обеда всё было спокойно. Паша сходил домой, неторопливо поел и, возвращаясь на работу, готовился беззаботно провести остаток дня за писаниной, которую был вынужден слегка подзапустить. Но едва переступил порог райотдела, увидел, как Валерий Палыч призывно машет ему рукой из-за матового стекла с надписью «дежурная часть». В другой руке он держал телефонную трубку, прижатую к щеке. Пришлось подождать, когда дежурный закончит разговор и оставит в покое телефон.

– Собирайся, Паша. Поедешь в Кадык. Там труп криминальный. Местные опера уже на месте. Сейчас придёт резервная машина со следователем из прокуратуры, заберёте судмедэксперта с криминалистом, и в путь...

Посёлок со странным названием Кадык располагался километрах в семидесяти к востоку от районного центра. Там находились угольные шахты, которые сейчас простаивали из-за нерентабельности. Шахтёры переквалифицировались, начав трудиться в карьере, что разраба-

тивало предприятие, именуемое ОАО «Кадыкский Разрез», преемник обанкротившегося ОАО «Кадыкская шахта». Так что добычу угля вели, но более дешёвым открытым способом. Ведь надо поставлять топливо в районные котельные и местную ТЭЦ. Правда, качество оставляет желать лучшего. Но тут никуда не денешься, привозное сырьё дороже собственного. Работа в карьере не могла обеспечить занятостью всё шахтёрское население Кадыка, поэтому оставшиеся не у дел жители в большинстве своём разъехались, или занимались, чем придётся.

Федеральная трасса огибала угольный разрез длинной угловатой дугой, действительно похожей на кадык, на острие которого торчал посёлок. Кроме него, в широкой долине реки Арты, змеившейся у подножий предгорья, располагалась Артинская электростанция (АртЭС) и несколько более мелких посёлков, обеспечивающих её бесперебойную работу. Один из них назывался Артинским Электрическим Комплексом, сокращённо АртЭК. Схожесть с названием известного лагеря отдыха для детей породило неимоверное количество шуток, особенно когда в посёлке ещё действовал лечебно-трудовой профилакторий для алкоголиков. Так «отдыхом на Чёрном море» или «поездкой на курорт» здесь называли не что иное, как принудительное лечение в ЛТП. Был ещё Озёрный, посёлок животноводов, где раньше располагался совхоз, а сейчас наполовину заброшенная ферма. Там проживало несколько семей, пытающихся выращивать скотину. Бизнес их не обогащал, зато давал возможность сводить концы с концами за счёт продажи мяса в соседние посёлки. Ну а самым крупным населённым пунктом, а также местным административным и культурным центром являлась Межа, в которой, помимо прочего, находилось и Артинское поселковое отделение милиции (ПОМ), обслуживающее весь этот жилой куст.

На трассе перед угольными копиями, как водится, разместился стационарный пост ГАИ, где постоянно дежурили сотрудники Артинского ПОМ. Сейчас службу на посту нёс откомандированный из области взвод ОМОНа. Его направили для усиления на летний период – сезон наибольшей активности золотодобытчиков, всегда привлекающий контрабандистов, фальшивомонетчиков, наркоторговцев и прочих любителей лёгкой наживы.

Обычно на пост заступали по два-три милиционера. Но в этот раз, подъезжая, Манин насчитал аж пятерых омовцев, облачённых в «разгрузки». Все с автоматами. Похоже, они досматривали каждую машину, в каком бы направлении та ни шла. Их УАЗ тоже остановили. На нём не было знаков милиции, поэтому Павел, открыв дверь, приготовился предъявить служебное удостоверение, но подошедший сотрудник опередил:

– Вы в Кадык? По убийству?

Наблюдательный боец. Сразу понял, что перед ним опергруппа. Манину осталось подтвердить его выводы, пряча удостоверение в карман.

– Вам сообщили, что там четыре трупа?

– Как четыре! – чуть ли не хором воскликнули все пассажиры.

– Пока вы ехали, ещё троих мертвяков нашли. Так что имейте в виду. Удачи.

«Добрый» вестник улыбнулся и помахал рукой.

Обернувшись, Павел со смехом глянул на кислые физиономии товарищей. Они собирались быстренько провести осмотр места происшествия, чтобы засветло вернуться домой. Теперь не выйдет, ребята. Эксперт и криминалист, может, и уедут, а вот следователю придётся задержаться и забыть на время об уютном кабинете в прокуратуре.

Сам Паша, отправляясь сюда, предполагал, что останется в посёлке на несколько суток, и был к этому готов. Один труп или четыре, какая разница. Разве работа предстоит более напряжённая. Плохо то, что высокое начальство наверняка поставит дело на особый контроль, и начнёт всюду совать нос, нервируя и не давая спокойно работать.

За размышлениями он не заметил, как машина въехала в посёлок. Нужный адрес отыскали сразу, издали заметив начальника местного ПОМ Лямина и его оперативника Игоря Бра-

гина. Они курили у старой обшарпанной двухэтажки, в которой отсутствовала большая часть оконных рам. Выйдя из машины, прибывшие сдержанно поздоровались.

– Где? – коротко поинтересовался следователь.

– Пошли, покажу, – Лямин бросил окурочек и вместе со следователем, экспертом и криминалистом, вооружённым фотоаппаратом и криминалистическим чемоданчиком, скрылся во втором подъезде.

Павел остался наедине с Брагиным. Спросил:

– Трупы здесь? Все четыре?

– Да, – ответил тот. – Сначала пацаны нашли мёртвого мужика в заброшенной квартире. Мы приехали, выяснили, кто такой и где живёт. Начали отрабатывать связи. Оказалось, он часто заныривал сюда, в квартиру напротив, где обитает семья алкашей – мужик с сожительницей и её взрослым сыном. Постоянно бухал с ними. В подъезде только эта квартира и осталась заселённой, и ту заняли самовольно. Просто въехали и живут.

– Короче, Склифосовский, ты опросил эту семейку?

– Как раз они-то, Паша, и есть те самые дополнительные три покойника. Сперва я долго стучал. Дверь была заперта изнутри. За ней абсолютно никаких шевелений, даже шороха не слышно. Ну, думаю, неужели гостя приголубили, а теперь затихарились. Окна наглухо зашторены, ничего не видать, но свет почему-то горит. Я в одном форточку открыл и влез. А когда из-за шторы выбрался, так и офигел сразу. Попал-то в спальню, а там сын лежит на кровати. Кажется, что спит, но голова и подушка кровью залиты. Рядом на полу мать с пробитой башкой. А муж её в прихожей валяется. Представляешь, сразу промеж трёх мертвяков оказался, и тишина могильная кругом. До сих пор жуть берёт.

– Бедняга, – наигранно пожалел его Павел. – И как ты не поседел до корней волос и в обморок не брякнулся?

– Может, и поседел, но не тем местом. Дома жену попрошу, пусть посмотрит.

Они шутили, несмотря ни на что. Это не было кощунством или пренебрежительным отношением к чужой смерти, боже упаси. Всего лишь средство избавления от стресса, профессиональная реакция защиты психики. Операм нельзя закатывать глаза, падать в обморок, лить горькие слёзы по каждой невинно убиенной душе. Иначе кто займётся поисками преступников, если все, поддавшись сентиментальным чувствам, бросятся друг другу на грудь и примутся рыдать в унисон?

– Ладно, седовласый ты наш, – Манин шутливо ткнул коллегу локтем, – тебя никакими трупами не испугаешь. Показывай своих жмуrows. Там криминалист, наверное, уже закончил фотосессию.

На площадке первого этажа располагались четыре квартиры, две прямо от лестничного марша и две по сторонам. Типичная «хрущёвка». Дверь только в одной, той, что слева, где и проживала семья алкашей. Остальные брошены, зияют пустыми проёмами.

Игорь повёл Манина в правую. Там в пустующей комнате ничком на голом полу лежал первый труп. Местами из-под него натекала кровь, одежда грязная, вся в следах чужих подошв, кое-где присыпана табачным пеплом. На голове Манин заметил торчащие из волос окурки.

– Не понял, – он показал на концы фильтров. – Ему что, сигареты о голову тушили?

Игорь кивнул.

– Похоже на то. Мы их не трогали до вашего приезда.

Подождав, когда криминалист закончит съёмку окурков, Паша аккуратно достал их пинцетом и внимательно осмотрел, вертя перед глазами.

– Хм, не дешёвые сигареты, скажу я вам.

– Да, – подтвердил Брагин. – Такие у молодёжи в ходу. Той, что любит разгульную жизнь.

– Конечно, кто ещё мог так «повеселиться», – Манин сложил окурки в полиэтиленовый пакет и передал криминалисту.

Поднялся с корточек судмедэксперт. Окинул собравшихся пронзительным взглядом внимательных глаз, сильно увеличенных толстыми линзами очков, и нарочито громко, чтобы слышали все, произнёс:

– Значит так, ребята, по предварительной оценке смерть наступила под утро, около четырёх часов. Причину точно пока не назову. Но у покойника в нескольких местах разбита голова. Грудная клетка, похоже, проломлена с повреждением лёгких. Били его сильно. Судя по всему, долго издевались. Возможно, прыгали ногами на лежащее тело. Колотых или резаных ран не увидел. Более подробно после вскрытия.

– Понятно, – пробормотал Паша. – Ну, вы со следователем пока пишете подробный осмотр, а я на остальные трупы взгляну.

Они с Игорем направились в единственную жилую квартиру в подъезде. Вернее, жилой она уже не была. Сложно представить, что кто-то рискнёт сюда вселиться после этого.

Дверь открылась внутрь только наполовину, мешали вытянутые ноги покойника. Его тело казалось чрезмерно длинным, и занимало всю прихожую. Перепачканная кровью голова запрокинута назад. Дверной замок целёхонький, защёлкивается автоматически при закрывании дверей. Значит, если его никто не взламывал, на момент проникновения он был зафиксирован в открытом положении, либо хозяин сам впустил преступников на свою голову в буквальном смысле слова. Уходя, те спокойно захлопнули за собой дверь.

Оперативники друг за другом протиснулись в образовавшийся проход. Аккуратно переступая через труп, Манин миновал прихожую и заглянул в комнаты, которых насчитывалось три. Заставленный всяким хламом зал и две спальни. Пашу поразило изобилие электродеталей, целые кучи которых валялись, распиханные по самым разным местам. Они были повсюду: в ящиках, коробках, мебельных тумбочках, на полках и в антресолях. Игорь объяснил, что покойник слыл в посёлке первоклассным электриком. У него всегда можно было что-нибудь отремонтировать, найти нужные платы, транзисторы, конденсаторы, сопротивления и прочие мелочи. Он добывал их, потроша выброшенные на свалку приборы и бытовую технику. Мастер золотые руки, каких поискать. Только пил много, а вместе с ним и сожительница с сыном.

Остальных покойников Паша увидел во второй спальне: женщину на полу при входе и сына в кровати. У обоих разбиты головы. Да, над этими тремя не издевались, как над первой жертвой, а просто убили. У матери, помимо прочего, разорваны мочки ушей. Видимо, преступники, не желая возиться с застёжками, попросту сдёрнули серьги. Уже с трупа или ещё с живой? Её сын, похоже, даже не проснулся спяну. Как спал в кровати, так и лежит. Если бы не разбитая голова, можно принять за спящего. Хорошо, коли умер, не успев почувствовать боль.

– Вон и орудие убийства, – кивнул Игорь на валяющийся рядом с кроватью окровавленный молоток. – Вряд ли на нём «пальчики» остались. Боюсь, в перчатках орудовали.

– Нет, не думаю.

– Откуда такая уверенность?

Манин неопределённо повёл плечом. Он чувствовал, что здесь поработал Мрак. Наверняка кто-то из убийц, если не все сразу, является носителем. А «мрачные», войдя в раж, и не подумают озаботиться сокрытием следов. Но Брагину он это объяснять не стал, просто сказал:

– Ну, если и в перчатках, то будем искать перчатки...

Пока осматривали место происшествия, подоспел и начальник криминальной милиции. Сергей Иванович выехал следом, сразу после того, как ему доложили ещё про три трупа. Пройдя по квартирам, где находились покойники, чтобы увидеть всё своими глазами, он присоединился к операм, устроившим перекур на улице около подъезда.

– Поквартирный обход сделали? – с ходу спросил начальник.

– А как же! В первую очередь, – отрапортовал Лямин, неотлучно сопровождающий первого зама, и выжидающе уставился на Брагина.

Начальник ПОМ и его подчинённый, работая бок о бок на протяжении долгих лет, давно научились понимать друг друга с полувзгляда. Поэтому Игорь продолжил:

– По соседним домам прошлись. Никаких зацепок. Семья электрика жила особняком. Не общались ни с кем, пьянствовали тихо, сами по себе. Только этот забулдыга к ним навещался, который теперь в пустой квартире лежит. Их сыну с неделю назад исполнилось двадцать лет, так и пили, не просыхая, с самого дня рождения. Никак остановиться не могли. Жители из дома напротив говорят, сюда на огонёк иногда шальная молодёжь слеталась, но кто именно, не знают. На них и думаем. Основной жертвой, похоже, был первый мужик. Семья, возможно, встряла в разборку, переключив на себя внимание преступников. А могли просто видеть момент убийства, и кто его совершил. Вот их и убрали, как свидетелей. Судмедэксперт сказал, что все члены семьи погибли примерно в одно и то же время, но где-то на полчаса позже первого покойника.

– Идеи есть?

Какие могут быть идеи? Работать надо, землю носом рыть, тогда что-нибудь да вылезет, а пока...

– Посёлок придётся шерстить полностью, Иваныч, – подвёл итог Павел. – Расспрашивать всех и каждого, кто чего видел, кто чего знает. Ориентировочно ищем группу преступников молодого возраста от шестнадцати до двадцати лет, нормально обеспеченных, любителей выпить, шумно погулять и поиздеваться над слабыми. У них вчера был кураж, который и сегодня не прошёл, а такое поведение приметное.

– Согласен. Тогда так. Собираемся в конторе Разреза всем личным составом, что здесь имеем. Там разбиваемся на группы. Каждой выделим определённую часть посёлка и начнём отрабатывать дом за домом.

Даже с теми дополнительными силами, которые пригнал из районного центра Иваныч, сотрудников оказалось не так много. Объём работы был огромный. Но все понимали важность поставленных перед ними задач, поэтому взялись за дело споро, со всей ответственностью и прилежанием. И результаты не заставили себя ждать.

Ещё до наступления вечера стало известно, что четверо подвыпивших восемнадцатилетних отморозков, разгуливая рано утром по улицам посёлка, вели себя очень дерзко. Нагло приставали к одиночкам, кичась численным превосходством, угрожали расправой и даже побили одного парня. Если б ему не удалось вырваться и убежать, вполне возможно, одним трупом было бы больше. А так оперативники располагали живым свидетелем, который знал тех парней – не такой уж большой посёлок, да и жителей в нём последнее время изрядно поубавилось.

«Вот и первые подозреваемые. И, похоже, единственные», – решил Манин, на которого всё больше веяло «запахом» Хаоса.

По адресам всех установленных фигурантов одновременно выехали четыре группы захвата, имея на руках постановления на обыск, вынесенные следователем прокуратуры. Его оставили в посёлке для проведения неотложных следственных действий. Иваныч выпросил у районного прокурора. Умел он убеждать, когда обстоятельства требовали.

Однако ни в одной из квартир застать подозреваемых не удалось. Все проживали с родителями, а те в один голос твердили, что их чада, вернувшись рано утром с ночной гулянки, спешно собрали вещи с документами и отправились на рыбалку. Куда, не сообщили.

Последние сомнения отпали. Ясно, что преступники подались в бега.

– Ну, опера, думайте, где искать? – Иваныч сидел около трибуны за длинным столом, положив перед собой массивную трубку спутникового телефона с одной стороны и портативную рацию с другой, соблюдая заповедь всегда и везде быть на связи.

Они снова расположились в небольшом актовом зале в конторе Разреза, где первый зам собрал на импровизированное совещание оперативно-следственную группу, в состав которой

входили следователь прокуратуры, Манин с Брагиным и местный участковый. Тут же находился Лямин в качестве руководителя ПОМ, на чьей земле произошло убийство.

Наступала ночь, а старая деревянная контора, превращённая во временный милицкий штаб, ходила ходуном и надсадно скрипела от непрерывной беготни нескольких десятков людей, громких голосов, храпа редких отдыхающих и урчания спящих во дворе УАЗов. Такого ажиотажа она и в светлое время суток не знала неизвестно сколько лет, и сейчас определённо либо сойдёт с ума, либо развалится.

– Отсюда только два пути, – высказался Брагин. – К райцентру и дальше на запад, или на восток в соседнюю область. Первое вряд ли: много постов на дороге, а преступники знают, что мы будем их ловить в первую очередь здесь, у себя, в рамках местного розыска. Второй вариант более подходящий. Пересекут единственный пост на границе областей, а дальше затеряются. Но мы выяснили, что там у них никаких связей нет. Поэтому не знаю, на что они рассчитывают.

– А если где-то в лесах притаились? – засомневался Манин, уверенный, что Мрак далеко не побежит. Ни к чему это выходцу из Хаоса. Ему в любой ситуации комфортно, а на судьбу носителя абсолютно плевать.

Но Игорь возразил:

– Паша, я тебя умоляю. Какие из них таёжники? Им не то, что рыбу поймать, костёр трудно разжечь. Ребята привыкли пить да жрать за родительский счёт. Нет, они от цивилизации не уйдут. Если где и устроят лёжку, то в каком-нибудь населённом пункте, чтобы выпивка была с харчами из магазина и сигареты бластные.

– Ориентировки по районам разослали? – Сергей Иванович глянул на Лямина.

– Да. Я передал текст на телетайп в дежурную часть.

– Пусть соседям отправят с обязательной пометкой: «при обнаружении задержать, о чём незамедлительно сообщить в наш адрес».

– Оснований для задержания нет, – встрял следователь. – У вас пока одни предположения, а прямые доказательства причастности этих лиц к убийству отсутствуют.

– Не «у вас», уважаемый, а «у нас», – поправил его Иваныч. – Или вы работаете не для того, чтобы преступника за решётку посадить?

Получив моральную оплеуху, следователь поёрзал на стуле, но молчать не стал, угрюмо ответив:

– Без доказательств мы этого сделать не можем, сами прекрасно понимаете.

– Да будут вам доказательства, когда преступники в наших руках окажутся. Тогда и кровь обнаружим на их одежде, и следы сравним. Вот вы и займётесь оформлением доказательной базы. Назначьте необходимые экспертизы, проведёте опознания, допросы, проверку показаний на месте, и всё остальное, что понадобится. Если не станете волокитить.

– Тогда, может, отправите меня в район, чтобы я немедленно приступил к следственным действиям? Надо хотя бы карточку выставить, а то уголовное дело возбуждено, а номера у него нет. Непорядок...

Конечно, так он и кинулся сразу по приезду карточку на дело выставять. Скорее всего бедному клерку, не привыкшему к походным условиям, не терпелось поскорее оказаться дома. Там принять наконец-то ванну и плотно заправиться нормальной домашней пищей, а не «Дошираком» или тем набором, что предлагает небогатое столовское меню Разреза. А потом отоспаться как следует в настоящей постели.

Мгновение подумав, Сергей Иванович вызвал по рации своего водителя, узнал, хватит ли топлива в машине, чтобы ехать в райцентр. Получив утвердительный ответ, распорядился отвезти измученного следователя восвояси. Когда тот поспешно собрался и покинул помещение, Иваныч тихо пробормотал:

– Пусть едет. Здесь только мешать будет.

Район поиска преступников неумолимо расширялся. В идеале требовалось прочесать не только ближайшие посёлки АртЭК, АртЭС, Озёрный и Межу, но и всю долину Арты, многочисленные охотничьи шалаши и заимки, разбросанные по тайге, не исключая возможность того, что парни всё-таки рискнули пожить дикарями. Как любил говорить Иваныч: «Перед преступником дорог много, а у нас одна: та, которую выберет он». Только попробуй найти этот единственный путь. И ошибиться нельзя, иначе рискуешь разминуться со злодеем.

На столе перед Сергеем Ивановичем запиликал спутниковый телефон. Усталым голосом ответив на вызов, он после короткого обмена приветствиями вдруг подобрался, выпрямил спину. «Так, так, говори дальше...» – в глазах блеснул азарт. Ещё несколько раз в течении разговора повторив заинтересованно «так, так», начальник закруглил беседу:

– Спасибо, Семён Егорыч, выручил. Надеюсь, с вашей помощью поймаем этих мерзавцев. Ты главное, дальше в область их не пускай... Ладно. Ещё раз спасибо. Будь здоров.

Положив трубку, он поднял торжествующий взгляд на свою команду, которая внимала каждому слову, чувствуя, что в руки плывёт удача.

– Звонил начальник криминальной милиции УВД соседней области, – торжественно произнёс Иваныч. – Сказал, что четверо молодых людей, похожих по описанию на наших разыскиваемых, проехали на попутках пост ГАИ в Усть-Артинске. Так что, думаю, теперь мы знаем, где искать убийц.

«Надо же, всё-таки подались в бега», – удивился Манин, отмечая необычное поведение Мрака, который на его взгляд проявил чрезмерную осторожность.

* * *

– Как дела со Стражем Света?

– Ещё ничем себя не проявил. Бегает за младшими. Догонит, тогда и посмотрим. А я пока сам порезвлюсь.

– Не увлекайся. С этим Стражем не всё просто. Он хоть и неопытный, но быстро учится. И хватка у него, похоже, серьёзная.

– Вот и поглядим...

Глава 3

Посёлок Усть-Артинск стоял на стыке двух областей и был первым населённым пунктом на трассе, где территориальная юрисдикция переходила в ведение соседнего УВД. Сам по себе он невелик, и затеряться в нём представлялось проблематичным.

– Они там? Задержаны? – Лямин подался вперёд, обхватив руками спинку стоящего перед ним стула.

– Слишком много хочешь, – усмехнулся Иваныч. – Нет, их видели до того, как я связался с Семёном Егоровичем и сообщил приметы разыскиваемых, предположив, что те могут рвануть и к ним. Но официальную ориентировку ты направь, чтобы у соседей были основания к задержанию, если вдруг обнаружат беглецов. А вообще надо самим ехать, пока не успели далеко уйти.

Он немного подумал, поглаживая усы кончиками пальцев, потом, приняв решение, командирским тоном произнёс:

– Так, Манин, берёте с Брагиным по машине, сажаете в каждую по два омонца, и мухой в Усть-Артинск. Расспросите ребят с поста, водителей... Короче, на месте определитесь, где искать наших клиентов, и позвоните мне. Потом по обстановке. Я распоряжусь, чтобы командир взвода ОМОН выделил вам четырёх бойцов, и решу вопрос с заправкой. Собирайтесь, поедете прямо сейчас...

Пашу поражала способность Сергея Ивановича со всеми находить общий язык. Казалось, он мог договориться с кем угодно и о чём угодно, даже если предварительно не знал человека, от которого зависело принятие решения. Впрочем, трудно представить себе такую персону. Пусть Иваныч с кем-то лично и не встречался, ведь невозможно быть знакомым со всеми, но уж его в районе знало, пожалуй, абсолютное большинство. Да что район, в любом месте области, а то и за её пределами, у здешнего начальника криминальной милиции имелись обширные связи. Вот и теперь он, запросто пообщавшись с какой-то «шишкой» из соседней области, разговаривал с директором электростанции, договариваясь о заправке УАЗов на его предприятии:

– ...Полные баки, Петрович, на двух машинах. Ребятам далеко ехать. Убийц преследуем. Если их сейчас не догнать, упустим совсем. Жди потом, когда они ещё что-нибудь натворят. Ты же понимать должен. Вот и хорошо. Спасибо, Петрович. И ещё по канистре в каждую машину про запас... Что? Последнее отдаёшь? Да не переживай. Я тут остаюсь, утром артели обзвоню, подкинем тебе топлива. Просто сейчас ночь, не найти никого из председателей...

Вскоре обе машины, под завязку заполненные бензином, неслись на восток, разрезая ночную темноту жёлтым светом фар, всё больше отдаляясь от Кадыка, где разгулявшийся Мрак забрал жизни четырёх людей. Их смерть, будь она естественной, ни за что бы не вызвала такого ажиотажа. Похоронили бы алкоголиков тихо и скромно где-нибудь на окраине кладбища, да и благополучно забыли. Так нет же, не умирается им спокойно. Пришлось целую погоню за преступниками снаряжать, по всем правилам детективного жанра.

Ехали быстро. Спешили. Расстояние до первого населённого пункта соседей преодолели за считанные часы. Уже достаточно рассвело, но солнце ещё не показалось, когда УАЗы, шурша гравием, резко тормознули у поста ГАИ на въезде в Усть-Артинск, и в клубы поднятой пыли, синхронно хлопнув дверками, вышли заспанные люди с оружием.

Встретили их приветливо. Наряд оказался тот самый, что видел разыскиваемых и сообщил об этом руководству после получения телефонограммы. Ребята ждали смену, чьё время пока не наступило. Манин подробно расспросил постовых, выяснив, что подозреваемые приехали на двух попутных КамАЗах, выгрузились и пошли в посёлок. Мер по их розыску никто не принимал, поскольку сотрудников милиции, кроме дежурных на посту ГАИ, здесь больше нет, а у тех совсем иные задачи.

– Значит, у нас два варианта, – подытожил Павел. – Первый: преступники отправились на попутках дальше. Второй: заночевали в посёлке и в настоящий момент находятся здесь.

– Третий: уехали назад, – подкинул ещё одну версию Брагин, но, посмотрев на Манина, чьё лицо выражало явное сомнение, добавил: – Маловероятно, конечно...

– Однако возможно, – поразмыслив, Паша согласился с его мнением. Такую возможность тоже нельзя сбрасывать со счетов. Имея дело с Мраком, трудно предугадать, какие кренделя он выкинет. – Сделаем так. Разбиваемся на две группы. Двое омовцев с тобой, двое со мной. Садимся на машины и шерстим посёлок от начала до конца.

Игорь задумался.

– А если они здесь? Мы устроим грандиозный шмон, а злодеи под шумок свалят.

– Посёлок маленький, – подтвердил один из постовых. – Не успеете начать, как всем о вас известно станет.

– Тогда придётся работать в посёлке одной группой. Я сам займусь этим. Поможете нам? Нужно перекрыть свободный выезд с этой стороны. – Павел вопросительно посмотрел на местных коллег. Получив согласие, продолжил: – Игорь, выставишься на противоположной окраине. Тормози все машины. Проверяй документы, досматривай, беседуй с водителями и пассажирами. Связь по радиии. Что узнаешь, сообщай. Всё, по коням.

Начать он решил со стоянки грузовиков, где ночуют дальнбойщики. Не факт, что КамАЗы, подвозившие беглецов, находятся там, но чем чёрт не шутит...

Машин оказалось не много. Мирно спавшие в кабинах дальнбойщики начинали потихоньку вставать, разбуженные рассветом, готовясь отправиться в дорогу. Как и предполагал Манин, никто подозреваемых не видел. Что ж, он особо и не рассчитывал на успех. Обычно так не бывает, чтобы сразу всё в цвет. Пора переключаться на жилой сектор. Хорошо бы вначале пройти по магазинам, но те ещё закрыты, а ночной торговлей никто из предпринимателей не промышлял.

Однако будоражить сонных поселян и выслушивать ответные ругательства не пришлось. На связь вышел Брагин. Сказал, чтобы Паша срочно прибыл на выезд из посёлка. И тот не замедлил это сделать, понимая: Игорь напал на след.

Так и оказалось. В беседе с водителем остановленного КамАЗа, с которым Манин разминулся на парковке, Брагин кое-что выяснил. Тот поведал, что вчера вечером четверо парней бродили по стоянке в поисках попутного транспорта, чтобы ехать дальше на восток. Все прибывшие к тому времени в Усть-Артинск дальнбойщики собирались ночевать, поэтому парни, бесцельно посидев на корточках в сторонке, в итоге встали и ушли пешком. Это озадачило водителей, поскольку разумнее было договориться с кем-то на утро, ведь большинство машин следовало именно в ту сторону, а не топтать холодной ночью по пустынной трассе, где из-за крутых подъёмов на перевал и ограниченной видимости вряд ли кто остановится, чтобы подбирать пассажиров.

Чувствуя близость цели, оперативники приняли решение следовать дальше, лелея надежду перехватить преступников по пути.

Два УАЗа, ревя моторами, продолжали погоню. Дорога вилась вдоль сплошной стены подступающих вплотную к правой обочине крутобоких сопков. Несколько пар внимательных глаз напряжённо таращились в окна, осматривая придорожные кусты, редкий лес и пологий каменистый берег реки, бегущей слева параллельным курсом. Здесь Арта была значительно шире и впадала в другой горный поток. Полноводная стремнина совсем не походила на жалкий ручеёк, что обтекал стороной оставленную преследователями долину с разбросанными по ней посёлками энергетиков и угольщиков.

– Стой!

Водитель, повинаясь команде Манина, немедленно вдавил педаль тормоза в пол. Проехав юзом по грунтовке, машина встала. Павел посмотрел назад. Второй УАЗ тоже остановился. Он поднёс микрофон радиостанции ко рту:

– «Второй», ответь «Первому».

– Слушаю, – отозвался Брагин.

– Слева у реки дом видишь?

За дорогой, почти возле самого берега, стояла передвижная времянка на деревянных полозьях, брошенная, вероятно, геологической партией или артелью. Чем не место для ночлега? Крыша есть над головой – и ладно. Лучше дожидаться рассвета в пустом доме, нежели сбивать ноги в кромешной тьме. Манин бы так и сделал.

– Ага, вижу, – после короткой паузы донёсся из динамика голос Игоря.

– Давай проверим. Только выходите тихо, чтобы ни одна дверка не хлопнула.

Предосторожность казалась не лишней. Любой громкий звук, отражаясь от сопков, далеко разносится в рассветной тиши. Благо домик расположен чуть не у самой реки, где бурливое течение способно заглушить доносящийся с трассы гул проезжающих автомобилей. Теперь бы через лес пробраться, не всполошив спящих треском ломаемых веток.

У Манина отпали последние сомнения в том, что преступники именно в этой времянке, когда он различил четыре тёмно-серых отростка, тянущиеся от крыши в небо, плавно переходя в невидимый спектр, словно растворяясь в воздухе. Похожи на дымные столбы. Но дым колыхается, а эти застыли, как на фотокарточке, и холодом жутким от них веет. Отростки заканчиваются где-то в Зыби, связывая погружённое в сон человеческое тело с его энергией. Там витают души порабождённых Мраком людей.

«Пуповина» (Павел нашёл подходящее слово) гарантировала возврат энергетической сущности в своё тело. Но в данном конкретном случае все четверо, проснувшись, притащат за собой прицепившийся Мрак и могут оказать сопротивление. Если они вооружены, то, вполне возможно, не оставят иного выбора, кроме как везти их домой мёртвыми. Главное – застать убийц врасплох, не дав очухаться раньше времени.

– Предоставьте это нам, – вполголоса проговорил омовец, которого командир назначил старшим четвёрки.

Пока Манин размышлял, как лучше подобраться к преступникам, парни в камуфляже, взяв автоматы наизготовку, двинулись друг за другом через лес. Почти бесшумно преодолев заросли, они вышли на берег и короткими быстрыми шагами гуськом направились в сторону дома. У задней стены разбились на пары, обошли времянку с разных сторон и на мгновение замерли на занятых позициях: двое по углам контролируют окна, двое возле входа собираются ворваться внутрь.

Как ни ожидал Паша начала штурма, как ни был к этому готов, звонкий гомон грубых требовательных команд, разорвавший утреннее умиротворение, прозвучал неожиданно даже для него:

– Всем лежать! Мордой вниз! Руки за голову! Пальцы в замок! Не двигаться, суки! Живо на пузо лёг, я сказал! Перед собой смотреть!..

– Пошли! – Игорь, выхватывая пистолет, перемахнул через кусты, на ходу радостно выкрикнув: – Тут они, голубчики! Молодец, Пашка, угадал!

Все четыре «пуповины» резко втянулись в дом, вокруг которого сразу образовалась тяжёлая атмосфера, оставляющая неприятный осадок.

Омовцы выволакивали задержанных, бесцеремонно укладывая в ряд на сырую от утренней росы землю. Убийцы выглядели обыкновенными молодыми людьми, каких много в каждом городе или посёлке. Только чёрный шлейф за плечами, словно развивающиеся на ветру крылья архангела, оценить вид которых из всех присутствующих мог один Павел, выдавали истинную природу молодчиков. На лицах растерянность, ошеломление, и... страх. Интересно,

это люди боятся, или Мраку ничто человеческое не чуждо? Вряд ли ему по нраву сидеть в арестанте, запертом в четырёх стенах, на протяжении нескольких лет. Никакого куража.

Довольный Игорь сутился между омовцами, а те сковывали обездвиженных преступников, старательно, с нарочито чрезмерным усилием сдавливая на запястьях наручники. Брагину мешал пистолет, который он держал в руке. Зря достал, наводить ни на кого не пришлось. Как видно, Игорь не привык напрасно обнажать оружие, потому, поймав на себе угрюмый взгляд одного из убийц, наклонился, сунул ствол ему под нос.

– Ну что, козёл, натворили делов, и в бега? И как? Получилось убежать? Дурачьё. Мы бы вас и на краю света достали.

Ответа он не дождался. Преступники предпочитали отмалчиваться. Они не пришли в себя после захвата. Это проблематично, когда без плавных переходов кардинально меняется обстановка, и тебя выдёргивают из казавшегося безопасным дома, где ты только что мирно спал, кидают лицом в грязь под давящий на спину ботинок омовца. Вот и получается, что устраивались парни на ночлег вольными птицами, а проснулись со скованными за спиной руками и с перспективой надолго обосноваться в местах не столь отдалённых, начиная с этой минуты. Отныне волю им предстоит видеть только в грёзах на протяжении примерно пары десятков лет. Понимая всё это, вряд ли у кого-нибудь возникнет желание поболтать. Тут и с подельниками говорить не захочется, не то что с ментами, которые тебя же и сцапали.

– Грузите по машинам, – скомандовал Паша. – Возвращаемся.

Задержанных разместили по двое в задней части каждого УАЗа, в народе почему-то прозванной «стаканом». Наверное, из-за тесноты. Другой ассоциации Павел, как ни старался, не находил. Сидений там не было, и преступникам пришлось отбивать пятую точку о голый металлический пол, когда машины подбрасывало на неровностях. Поэтому по прибытию к Усть-Артинскому посту ГАИ из «стаканов» они выгружались, едва сдерживая стоны.

Этот пост больше походил на опорный пункт милиции с одним общим кабинетом, уборной с умывальником, комнатой отдыха и неким подобием камер предварительного заключения. Пустующие большую часть времени камеры пришлось как нельзя кстати. По ним и рассадили пойманных убийц, изолировав друг от друга. Теперь, когда покончено с выматывающей погоней, преступники задержаны и помещены под замок, можно позволить себе немного расслабиться и спокойно передохнуть после долгого преследования.

Во время телефонного разговора с Сергеем Ивановичем Павел доложил, что беглецов поймали, и скоро планируют выехать из Усть-Артинска. Начальник похвалил, но посоветовал не торопиться, а начать работу с подозреваемыми на месте поимки. Возможно, придётся закрепить показания, найти и допросить дополнительных свидетелей, чтобы лишний раз не возвращаться.

Пользуясь гостеприимством постовых, Манин накормил свою команду и отправил водителей с омовцами отсыпаться перед обратной дорогой. Сам же вместе с Игорем приступил к предварительному допросу, по одному выдёргивая подозреваемых из камер. Те и не думали отпираться. Ежу понятно, что милиционеры преследовали именно их четвёрку, проделав неблизкий путь, уже достоверно зная, кто причастен к убийствам в Кадыке и где искать преступников. Вот и были предельно откровенны в показаниях, разве что пытались перевалить основной груз вины на товарищей, но все противоречия легко разрешились в ходе перекрёстных допросов.

В общении между собой парни, как часто бывает в таких компаниях, использовали клички. Заводилой у них был Чиж, по праву считавшийся самым дерзким и отвязным молодчиком. Трое других – Боб, Харя и Сэт – ходили у него в добровольных «шестёрках», являясь членами одной банды хулиганистых подростков.

Ещё со времён учёбы в средней школе они не давали житья ученикам младших классов, промышляя денежными поборами, постоянно терроризируя слабых, избивая недовольных или пытающихся сопротивляться. На парней никто никогда не жаловался. Молчали как ученики, так и родители с учителями. Все боялись, думая, что преступники в любом случае смогут избежать ответственности, а после начнут мстить. Дело в том, что мать Чиж занимала одну из руководящих должностей в поселковой администрации. К тому же она сожительствовала с местным уголовным авторитетом, слывшим своей жестокостью и пренебрежительным отношением к чужой жизни. Не так давно он вернулся из колонии, где отбывал наказание за убийство. Отчим всячески поощрял антиобщественное поведение пасынка и его подручных, планируя в будущем с их помощью заставить жителей всего посёлка плясать под свою дудку, держа немногочисленное население Кадыка в постоянном страхе. Вот почему четыре малолетних отморозка не попали в своё время под пристальное внимание милиции. Они без помех выбрали криминальную стезю, успешно скормив свои души Мраку, охочему до отбросов человеческого общества.

В тот вечер они, как всегда, подвыпили и отправились бродить по улицам в поисках «приключений». Кто-то вспомнил, что в семье электрика должны праздновать день рождения сына. Тихий и безобидный парень отличался безвольной покорностью, что автоматически делало его мишенью для постоянных нападков. Ему частенько доставалось от этой компании.

Решив «срубить» с именинника денег или халявной водки, они пошли к электрику. Нагло ввалились в квартиру, застав там помимо хозяев ещё одного участника семейной гулянки, и потребовали выпивку «за праздник». Ни сам виновник торжества, ни его родители возражать парням не стали. Зато возмутился гость, справедливо заметив, что угощать водкой должны именинника, а вовсе не наоборот. Ему в грубой форме дали понять, чтобы сидел и не выступал, но мужик имел неосторожность огрызнуться. Это вконец взбесило парней. Они выволокли его из-за стола в соседнюю пустую квартиру, где избивали в течение часа. Сначала все вместе, потом по очереди, отлучаясь только за новой порцией алкоголя. А когда водка кончилась, напоследок потоптались по мужику, и ушли, увидев, что тот умер, и дальше измываться нет никакого смысла. Что за радость бить по бесчувственному телу, когда жертва не издаёт страдальных стонов? Неинтересно.

До утра времени оставалось предостаточно. Вздурораженные совершённым убийством дружки не желали расходиться. Всем хотелось выпить ещё – «догнаться», как говорят. Поэтому предложение Чиж зайти к нему домой, где, как он знал, у отчима всегда найдётся в записке бутылка-другая водки, было принято безоговорочно и сразу. Чиж поддерживал с отчимом доверительные отношения, несколько не скрывая, чем занимается их шайка. А тот, в свою очередь, не считал для себя зазорным выпить с парнями, выслушивая рассказы о ночных похождениях сколоченной пасынком банды, и охотно делился с ними богатым криминальным опытом. Вот и теперь пьяные хулиганы похвастались перед старшим товарищем очередным «подвигом», со смехом наперебой живописуя в красках издевательства, которым подвергли «борзого алкаша».

Опытный уголовник обвёл внимательным взглядом самодовольные ухмылки на раскрасневшихся от принятого спиртного физиономиях, насторожённо спросив:

– Так вы его замочили, что ли?

– Ну да, – Чиж гордо выпятил грудь.

– Придурки! – отчим налил полный стакан, поднёс ко рту, выдохнул и, не отрываясь, выпил до дна.

– А чё... – перестав улыбаться, Чиж обиженно глянул на товарищей, ища поддержку, но увидел лишь недоумение в глазах. – Козёл этот вообще не по теме блеять начал, совсем рамцы попутал.

– Туда и дорога, – поддержал его Харя. – Никто по нему слёзы лить не станет. Это ж бомжара, алкаш конченный, а не человек. Кому он нужен?

Остальные закивали в знак согласия, но дружно вздрогнули от грохнувшего по столу кулака отчима.

– Тупицы! – взревел он. – Совсем ничего не соображаете? Утром найдут его труп, сообщат мусорам, те понаедут в посёлок, и первыми зацепят электрика с его бабой и пацаном. И что, по-вашему, они расскажут?.. А-а, молчите. Наконец-то соображать начали.

– Так чё теперь делать-то? – осторожно нарушил молчание погрустневший Боб, который до этого улыбался шире всех.

Выпив ещё стакан водки, отчим неторопливо похрустел огурцом, после чего авторитетно заметил:

– Сваливать вам надо. Чем быстрее, тем лучше. И на вашем месте я бы не стал оставлять свидетелей.

Его слова, сказанные вроде бы в качестве простого совета, были восприняты юными бандитами как руководство к действию. Они разбежались по домам, чтобы забрать документы и кое-какие вещи. Встретились через пятнадцать минут возле дома Чижа. Ехать решили немедленно, чтобы утром оказаться за пределами области. Для этого нужно было идти на трассу ловить попутки, но сначала...

Сначала парни вернулись в квартиру электрика, чтобы избавиться от ненужных свидетелей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.